

Литературный журнал

33/30.12.2015

ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА

2016

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ЭЛЕОНОРА МОРСКАЯ Спасибо! 3

О. ИОАНН ТУНГУСОВ

Вера и Россия или Настя, Ползи! (повесть) 4

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Зов Премудрости Божией 6

ИРИНА ХРИСТЮК стихи 7

ВАЛЕРИЙ КАМЕНЕВ

Не нужно лишнее заказывать 8

ОЛЬГА ФЕР Селедка 8

ОЛЬГА МАЛИК Украденное вдохновение 9

ОЛЬГА ФЕР Что, пьешь?! 9

ВАЛЕРИЙ ДОДЗИН Ты и Вы 10

ВАДИМ БУСЫРЕВ Записки русской девочки

1. Самые умные и смелые 11

ЕЛЕНА НИХОТИНА Желтый автобус 12

АННА МИР стихи 13

ГАЛИНА ВОЛЬСКАЯ Тропинка 14

ЛАНА АЛЛИНА

Зимняя сказка под музыку Вивальди 16

МАРЬЯМ РАВИЛОВА

Кленовый сироп и ванильный дом 17

Олег Фатхутдинов стихи 19

Олег Фатхутдинов

Мальчик и вьюга

Сидит мальчишка у дороги
С улыбкой горькой на губах.
А злая вьюга страшно воет.
Но мальчику неведом страх.

Он столько повидал на свете
В неполные тринадцать лет,
Один оставшись на планете
Что это лишь одна из бед.

Когда-то счастлив был ребёнок,
Обласкан матерью, отцом,
Сестрой, что нянчил он с пелёнок.
Теперь та явь вдруг стала сном.

Один снаряд – а столько горя.
Мальчишка и не смог понять,
Что потерял в одну секунду
Свою сестру, отца и мать.

Разрушен дом, пёс верный Ветер
Лежит, оскалив страшно пасть.
Мальчишка плачет, он не верит:
Не должен был снаряд упасть.

Сейчас он ушипнёт за руку
Себя, проснётся и скорей
Обнимет мать, сестрёнку Люду,
С отцом пойдёт ловить линей.

Теперь ему уснуть навечно
Так хочется и всё вернуть:
То золотое своё детство,
В свой дом с тропинки завернуть.

Пёс Ветер встретит у калитки
Вертя своим большим хвостом.
Мать молока нальёт из крынки
Ему, сестре... ну, а потом...

Потом – всё будет, как и прежде.
Он верит в чудо. Есть оно!
А вьюга в злобе рвёт одежды
На мальчишке, ей всё равно.

Её взбесила та покорность,
С которой паренёк сидел,
В своих простых мечтах покоясь,
И смело ей в глаза глядел.

Но веки вот закрыв покорно,
Он сжался и себя обнял,
Вновь улынулся. Снег упорно
Собой мальчишку укрывал.

А мальчик спал. Уснул навечно.
Спасибо вьюге. Помогла!
И где-то там, на небосклоне
Ещё одна звезда взошла.

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправок:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

*Мы в ответе за то, что сейчас говорим,
Мы в ответе за то, что во сне прошептали...
Далеко нас заводят словесные дали,
Но грешно без раздумий хождение по ним.*

Светлана Носенкова

В привычной сутолоке вокзала в Мытицах порой вспоминаешь Маленького Принца: «Куда спешат поезда?» – спрашивал маленький гость нашей планеты своего большого друга – «Куда спешат поезда – и куда спешат пассажиры?» «Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут. Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...» – эти слова, давно прочитанные, все так же берегут сознание и душу... Всю жизнь я черпаю из книг Экзюпери живительный поток человечности, которую так хочется находить в окружающих. И стараюсь не забывать завета писателя: все дороги ведут к людям.

Сколько встреч происходит за короткий час дороги – встреч, конечно же, неслучайных! Я люблю всматриваться в выражения лиц людей, в нахмуренные брови, в светлые глаза... Всматриваться и пытаться угадать: что там, в глубине этих глаз? Кто-то прячет боль, кто-то не может скрыть радости... Кто-то спешит и не видит ничего и никого вокруг... Но вот лестница на платформу... Я неспешно спускаюсь вниз – времени ещё достаточно – иду, погруженная в свои мысли, но все так же – по привычке – наблюдаю за пространством вокруг. И тут глаза мои замечают... сударыню, даму, – иначе и не скажешь, которая медленно, аккуратно идет по той же лестнице...

За долгую-долгую секунду я спешу понять, какая она: посеребрённые сединой волосы уложены в пучок, в одной руке – палочка, в другой – большая сумка, задумчиво-деликатное выражение глаз за большими очками... Сколько благородства и тактичности в каждом движении! И как же она напоминает этими качествами, бросившимися мне в глаза, мою покойную бабушку!

Эти мысли-наблюдения калейдоскопом проносятся перед моим внутренним взором, и в следующее мгновение я уже рядом – для того, чтобы поспешно спросить:

– Простите, Вам не тяжело? Вам помочь?

Пожилая дама в секундном замешательстве – эта секунда нужна ей, чтобы вернуться из мира своих таинственно-волшебных дум в окружающую действительность. Она улыбается, и я слышу её мягкий, корректный голос:

– Нет-нет, что Вы, мне совсем не тяжело. Я сама справлюсь. Спасибо!

Мне хочется продолжить разговор с ней – я моментально чувствую в ней родственную душу, и расставаться вот так, сказав друг другу всего пару фраз, – так же больно, как и тогда, когда уезжает верный друг. Уезжает далеко, и дата следующей встречи скрыта несколькими десятками листочков отрывного календаря... Но я собираю волю в кулак, улыбаюсь в ответ и говорю привычное:

– Не за что! – стараясь вложить в эти скудные слова благодарность за короткий разговор.

И тут – к моему величайшему изумлению – пожилая дама меняется: сверкают негодованием глаза, палочка твердо упирается в лестничную ступеньку...

– Что Вы такое говорите?! – слышу я её возмущенный голос.

На какие-то мгновения меня охватывает замешательство – никак не ожидала такой реакции! – и в то же время бесконечно радуюсь, что разговор продолжается. И отвечаю:

– Но разве в словах «не за что» есть что-то... невежливое?

– Я сказала Вам «Спасибо» – это значит «Спаси Вас Бог»! А Вы отвечаете «Не за что»! Нужно говорить «Пожалуйста»!

Жгучая волна стыда поднимается в душе и окатывает меня с головы до пят... И вправду – что же я такое говорю? «Не за что» – как много в этих словах, если вдуматься, меркантильного стремления считать, просчитывать, за что можно сказать святое слово «Спасибо», а за что – нет! И как гармонично и красиво звучит волшебное слово «Пожалуйста»! И непременно, говорю я себе, следует изучить этимологию этого волшебного слова!

– Прошу прощения, – спешу я извиниться. – Пожалуйста!

Возмущение моей собеседницы утихает, и несколько ступенек мы проходим в молчании. Не могу удержаться от вопроса:

– Вы так бережно, так трепетно относитесь к словам... Наверное, Вы учитель русского языка? – спрашиваю я, вкладывая в свои слова все уважение и доброжелательность, которыми хотела бы согреть её душу (а мысленно уже рисую свою, конечно, неслучайную попутчицу в окружении благодарных учеников, читающих стихи или объясняющую... например, смятенные чувства Наташи Ростовской, прибывшей на свой первый бал...)

Но моя собеседница опровергает предположение:

– Нет, я не учитель. Но раньше я тоже говорила «Не за что» в ответ на «Спасибо»... И однажды я тоже, как и Вы сейчас, услышала праведное возмущение в словах того, с кем беседовала. И мне сказали: «Я говорю: Спаси Вас Бог»! А Вы мне что отвечаете?!» Так что с тех пор я всегда говорю «Пожалуйста»! – пожилая дама приветливо, спокойно улыбается.

А в моей душе – буря чувств. Я рада, что мы сказали друг другу чуть больше, чем обычно говорят люди в дороге... Я расстроена, что мое предположение о профессии моей собеседницы не подтвердилось... И... меня колет сознание своей неправоты – и в то же время – правоты моей попутчицы! И так хочется почувствовать себя на коне, почувствовать, что правда – за мной!

И все-таки, как говорится, Платон мне друг, но...

И усилием воли я признаю: да. Не права.

Мы уже почти у подножия лестницы, где иногда играет на флейте незнакомый мне господин с таким же деликатным взглядом, как у моей пожилой попутчицы. Сегодня его там нет, сегодня там стоит девушка, раздающая каталоги косметической продукции. Мимо этой девушки я всегда прохожу торопливо, чтобы не стать объектом её назойливых усилий. Но на этот раз я увлечена беседой, а волонтер сетевого маркетинга, по счастью, не обращает на нас внимания... И я от всего сердца говорю своей собеседнице:

– Спасибо Вам! Теперь я тоже всегда буду говорить «Пожалуйста» в ответ на «Спасибо»!

– Пожалуйста, – с достоинством отвечает она.

У одной из платформ свистит электричка... У железнодорожной кассы в ряд стоят продавцы одежды, обуви... Молодой человек упрямо, настойчиво раздает людям какую-то газету... Я ныряю в зал с турникетами.

Мы продолжаем свой путь, каждая – в привычном для себя направлении... Я даже не знаю, как зовут даму, с которой я говорила. Но знаю о ней гораздо больше: она Светлый, добрый человек. Человек, который только что научил меня быть внимательнее и лучше...

Ведь каждая, каждая жизненная ситуация для чего-то дана человеку. Во всем есть глубинный, святой смысл – и не так уж и много нужно, чтобы отыскать его! Просто вдуматься в каждый миг... Просто открыть свое сердце Свету и Правде...

продолжение повести начало в номерах 31-32

4

Клуб на селе – отдельная песня. На культуру из местного бюджета выделяется так мало, что хватает лишь на одну ставку, которая не превышает нескольких тысяч рублей. Например, зарплата библиотекаря – две тысячи, а учительница музыки, что работает на полставки (это 9 часов в неделю), и вынуждена ходить в неделю два раза через лес по полям в школу за 18 километров, получает за это 800 рублей в месяц.

На ремонт местной школы, к примеру, могут выделить всего четыре тысячи рублей. Но директор и этому рад.

– Да какой же вы ремонт сделаете за эти деньги?! – спрашивают его.

Отвечает:

– Замечательный! Стены покрасим, потолки подновим... Вот приезжайте в следующий раз, – увидите, вам понравится!

Не унывающие люди живут в Н-ске. Вот в одном из районов Н-ской области и жила Анастасия. Встала, как всегда, утром, скотину выгнала, покормила, мужа собрала, самой скоро выходить, и тут... пол ударил ей в лицо. И не то, чтобы сильно, больше неожиданно. Поэтому Анастасия была скорее удивлена, чем испугана или ошарашена.

Рухнуть пришлось с высоты собственного роста, а это метр шестьдесят пять при шестидесяти восьми килограммах своего нажитого за сорок пять лет жизни веса.

Упала прямо лицом, не успев, или, правильное сказать, не сумев выставить хоть какую-нибудь защиту. Руки не слушались. Впрочем, как и ноги. Все тело вмиг сделалось чужим, неподвластным Настиному сознанию грузом, который ничем было ни поднять, ни пошевелить.

Позвать кого? Но язык, будто подвергнувшийся нападению сотни пчелиных жал, онемевшим кусочком плоти лежал, должно быть, на своем месте, как и все остальные члены, напрочь утратив способность двигаться и что-либо чувствовать.

Большие серые глаза, замедленными движениями век пытались обновить впускаемую внутрь сознания картинку окружающего пространства, но она упорно продолжала оставаться неизменной. Сознание Насти терялось в попытках найти разумное объяснение видимому в архиве своего жизненного опыта. Но цепочка рассуждений рвалась очень скоро от своего начала.

«Я лежу. На полу. Я упала. Саднит нос и щека. Тела почти не чувствую. Нелепая беспомощность. Я замкнута внутри своего беспомощного тела».

Результат сбора данных на подходе к выводу постоянно давал осечку. Не случалось ничего подобного в жизни Анастасии Петровны Юрасовой, директора сельского клуба, в котором она была единственным педагогом и начальником в одном лице. Что поделаться, заработный фонд настолько скуден, что о найте кого-то еще не может идти и речи. Если только поделить ее зарплату в 1800 рублей надвое?

«Натуральное хозяйство, конечно, кормит. Без него никуда. Дети выросли, обустроились в городе, муж – директор колхоза – не даст помереть с голоду. Ну, и дети-то? Их же, родимых, мало только покормить». Мысли о быте, о делах житейских почему-то сделались важными для лежащей в беспомощности Насти.

«Витя на вчерашнем занятии не был. Небось, снова отец не пустил... А он мальчик способный... Да все они у меня способные:

Валюша, Наташа, Степан да Ромочка, – неразлучная парочка, как братья... Хотя, какие же они братья? Если только по несчастью – матери обоих пьют по-черному.

Уж говорила, говорила, а толку что? Хорошо, если одетых зимой на улицу выпустят, а то ведь сколько раз прибежали ко мне босиком, ноги в одни тряпочки замотаны, глазенки голодные... А Никитка, тот вообще от матери ни на шаг. Лежачая она у него. Отец на заработках в райцентре, так он с матерью. А мальцу всего седьмой годок пошел...»

Пол, уходящий вдаль крашеными половицами от щеки до плинтуса, начал холодить плотно прижатую к нему содранную щеку. Покарябанный о половицы нос тоже начал давать знать о себе.

В другой ситуации эти факты бы огорчили Настю, но сейчас любая чувствительность, как вспыхнувший новый жизненный маячок на онемевшем теле радовала. Анастасия, как будто получила долгожданные донесения с дальних застав от своих доверенных лиц, связь с которыми оказалась утраченной после внезапного нападения неизвестного врага.

Приходилось заново знакомиться со своим положением и с телом, которое продолжало пугать отрешенностью от своей хозяйки.

«Вот дурацкое положение! Меня дети ждут, а я тут разлегалась... Нет, ну правда, что делать-то?!» – говорила сама с собой Анастасия. – «И дома-то нет никого... Господи, что же это со мной?»

Неожиданно раздалися шаги за входной дверью.

«Леша, Лешенька!» – захотела было крикнуть Настя, но не смогла этого сделать. Оставалось только ждать, что муж, или кто-то еще (хотя, кто это может быть, кроме мужа?) войдет и увидит лежащую в коридоре Настю.

Так и произошло:

– Настя, что с тобой? – кинулся к ней Алексей.

Но в ответ, все также, Настя не могла ответить ни слова. Лишь слабое мычание вырвалось из ее приоткрывшегося рта. Алексею, да и самой Насте голос показался каким-то чужим, совсем не тем, кто был до сегодняшнего дня, звонким и музыкальным.

Когда Анастасия заснула, словно провалилась, увидела такую родную, до боли знакомую Карбызу, с её деревянными домишками, садами, огородами, полями. Тихую, словно, застенчивая невеста, Верхнюю Тунгуску, где она, совсем молоденькой, стирала белье.

Ах, сколько раз она приходила к ней, своей любимой маленькой Тунгуске – не сосчитать. Сиделась, – будто на мягкий ковер персидский, – на густую, упругую траву, обильно растущую по её берегам, этой удивительно красивой реки. Ей ещё с босоногого детства очень нравилось погружаться в Тунгуску, – медленно, осторожно ошупывая ступнями дно, – в её чистые, освежающие воды.

В эти мгновения ей казалось, что всё плохое, тяжелое, невидимо смывается с души и тела. И она становится другой – радостной, без особых проблем, доброй, сильной, которой хочется обнимать весь мир – настолько он дивен, хорош и прекрасен.

А то шла подальше, через кусты смородины и светло-фиолетовые костерки иван-чая – туда, к ней, теперь поваленной сильнейшим ветром, но когда-то живой и мощной красавице-сосне. Сиделась на её толстый круглый ствол и поднимала голову, всматриваясь в бездонно-глубокое небо.

И, закрыв глаза, наслаждалась теплотой и ароматной свежестью сибирского вечера, слушая внимательно щебетание птиц,

стрёкот кузнечиков и весёлую песню жаворонка.

И вдруг ласточка быстрая, неведомо откуда появившись, начала, далеко не улетая, нарезать круги над ней.

– Что ты хочешь мне сказать? – спросила Настя ласточку. – Не стесняйся, говори! Я тебя очень внимательно слушаю.

Но в ответ – тишина. И ласточка растворилась в небе, также внезапно, как и появилась.

Она любила бывать здесь, у этой поваленной береговой сосны, хотя, вроде бы, ей все здесь было узнаваемо и знакомо. Но, – она это давно заметила, – каждый раз ново: то другие облака, то иное освещение, то необычный наряд леса, то слепящее солнце, то нудный морозящий дождь, то розово-синий закат в нарядном обрамлении тоже цветных кудрявых облачков, то её меняющееся настроение. То новый лесной аромат, которого она никогда не ощущала, – настолько он был свеж и приятен.

– Тунгуска ты моя, Тунгуска. Что пытаешься мне поведать? Какие свои девичьи тайны? Или – наоборот: утаить от меня свою древнюю боль и отчаянье?

Но в ответ река лишь сверкала закатными веселыми бликами на маленьких волнах, словно щедрой россыпью талантливо ограненных бриллиантов, искрящихся то желтым, то зеленым, то красными, то коричневым, то белым. Будто задорно и весело смеялась и текла себе по своим тунгусским делам, также молчаливо, как и тысячелетия назад, убегая туда, к теплым солнечным лучам, как бы торопясь согреться в них. Но северный, порывистый и прохладный ветер принес знакомый запах леса и окутал её в своих объятиях. Да и в жаркие дни Настя с удовольствием купалась в ней, – отойдя подальше, чтобы никто её не наблюдал. Увидела и улыбчивую маму и прихрамывающего отца, приехавших из соседней Михайловки, – жизнерадостных, несущих подарки. Но что это? Почти в центре деревни сейчас высится храм голубого цвета. Кресты его сияли на солнце. Послышался призывной благовест. И его звон ритмичной мелодией полетел ввысь – легко паря над матерыми соснами, елями, березами, и накрыл, будто огромное светлое облако, всю Сибирь, а затем – и всю многострадальную Россию с её отзывчивыми на добро людьми. И крестный ход показался, а впереди несли большую икону Покрова Пресвятой Богородицы. И слышались красивые церковные песнопения. Но слов она не могла разобрать, хоть и очень хотела...

Поражение организма было не из легких. Одна сторона тела полностью утратила управляемость, поражённой оказалась речь. Когда Настю перевезли из больницы домой, о том, что будет дальше, старались не говорить. Но Анастасия и не говорила.

«Так, ушли. Двигаемся попеременно всем, чтобы двигаться. Та-ак, плечо... Толкаемся от спинки дивана... сейчас будет чуть-чуть больно...»

Звук упавшего на пол тела сотряс комнату. В этот раз удалось не сильно удариться головой. В прошлый раз было больше и ссадину с запёкшейся кровью промывали и залили зелёной... Затих после удара музыкальный отзвук фужеров в серванте.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнувшие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви,

иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женищина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И влетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

«Ну, Настя, ползи!» – настырно запульсировала команда в голове.

Угловатым червяком, поломанной гусеницей, раненым крокодилком толкала себя плечом и бедром правой половины тела Настя. Так, минута за минутой, час за часом она преодолевала болезненные сантиметры туго поддающегося ей пространства родного дома. В награду получала синяки, шишки и осуждение домашних, которые находили её вечером сначала недалеко от дивана, потом на пороге комнаты, затем в коридоре.

– Неужели ты не понимаешь, что лопнет у тебя от перегрузки ещё один сосудик, и все – не помрёшь, так живым овощем станешь... – корили её муж и приезжавшие на выходные сыновья.

Когда стали находить её уже в кухне, то поняли, что подставлять стулья к диванному ложу, да и вообще как-то ограничивать Настю бесполезно. Казалось, что у неё просыпался даже спортивный интерес к преодолению хитроумных препятствий, сооружённых для нее.

Победительницей встречала своих домашних Настя вечером на новом рубеже, где и демонстрировала свои успехи в развитии речевого аппарата. Результат её усилий не заставил себя долго ждать. С каждой неделей тело Насти становилось все более послушным, подвластным своей хозяйке!

Упорство, с которым она боролась за своё здоровье, поражало всех. Хотя за своё ли? Потому что, как только появилась малейшая возможность возобновить занятия с детьми, Настя сделала это. Ведь детишки-то куда не подевались!

И так положение на селе с образованием и уровнем культуры аховая, а тут вообще беда! И Настя вновь собирает детишек со своего села, да ещё и соседние захватила, – всех беспризорно шатающихся, да от пьяниц горьких с неблагополучными разными, – и в клуб, на занятия. Научилась играть на баяне, хоть и не музыкант...

А как обласкивала она свою детвору! Настя радовалась возможности прикоснуться к их лохматым головкам, поправить или подлатать бедную одежку или показать, как нужно играть на том или ином нехитром ударном инструменте – ложках, бубне, трещотках, маракасах.

Учила с ними новые песни, рассказывая, что знала сама об особенностях обычаев в разных областях России. Каждое такое занятие Настя обязательно сдабривала рассказом или сказочкой, что особенно нравилось детям.

Так и собирались. Из Настиного погреба доставали закрутки, что на зиму были заготовлены, тем и жили. Придут ребятишки, Настя покормит их, чем Бог послал, да и за занятия. Худо-бедно, а коллектив у них образовался. Можно представить, что это за коллектив получился, но ребятишки заняты и под это даже штатную единицу в клубе восстановили.

(продолжение следует)

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ

Зов Премудрости Божией

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони; от века я помазана,
от начала, прежде бытия земли.

Я родилась, когда еще не существовали бездны,
когда еще не было источников, обильных водою.

Я родилась прежде, нежели водружены были горы,
прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли,
ни полей, ни начальных пылинок вселенной.

Когда Он уготовлял небеса, я была там.

Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,
когда утверждал вверху облака, когда укреплял
источники бездны, когда давал морю устав, чтобы
воды не переступали пределов его, когда полагал
основания земли: тогда я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день, веселясь пред лицом
Его во все время, веселясь на земном кругу Его,
и радость моя была с сынами человеческими.

(Прит. 8, 22-31)

Братья и сестры! Отвлечитесь от сумятицы этого мира, порожденной взаимной борьбой и неприятием, и постарайтесь услышать зывание Премудрости Божией. Одним из отблесков, отображений этого зывания является голос совести, у кого она еще сохранилась. Вот как воспринял это зывание я, делюсь словесной формулировкой моего восприятия сего бессловесного зывания.

Услышь меня всякий, живущий под солнцем! Ты знаешь и не знаешь меня. Знаешь, потому что живешь под солнцем благодаря мне. И не знаешь, потому что мое пребывание не здесь, а с Отцом Небесным, замыслившим и создавшим все, Слава Ему! Он то и дал мне быть начатком всего созданного Им, семенем, из которого произрастает все, лозой, питающей все и держащей все, родником, дающим возможность жизни под солнцем даже заблудившимся и отпадшим. Тот из живущих под солнцем, кто знает и

чувствует это, тот, как и я, не от мира сего, он блажен. Мой зов к тем из живущих в мире сем, кто не чувствует и не знает истинный исток и смысл своего личного существования.

Слушайте все те, которые, будучи питаемы мною, мнят себя начатками своих собственных миров, единственно имеющих право на существование! Почему каждый такой ваш личностный мир подспудно, а то и явно теснит, а то и подавляет другие такие же миры? Вы делаете это и слабеете, потому что я не могу обильно питать превозносящихся друг перед другом, губящих друг друга. И даже тот минимум, который я вынуждена давать каждому такому просто для поддержания его жизни под солнцем, на самой грани выживания, часто, очень часто этот минимум сил тратится на ту же вражду и взаимное притеснение. Потому так много болезней, смерти и страданий в мире сем. Опомнитесь же, питаемые мною, ибо есть для вас благой выход — поверить в то всеобщее единство, которое для вас — во мне, а для меня — в Отце Небесном, замыслившем и создавшем все, Слава Ему! И не говорите, что это невозможно — выплыть из этого водоворота борьбы друг с другом, ибо всю ту полноту моей живящей связи с Отцом Небесным, которую только может вместить живущий под солнцем, я передала одному из вас, Иисусу Христу, мужу скорбей, познавшему всю мощь водоворота взаимного неприятия вашего, познавшего в качестве убиваемого, затянутого этим водоворотом на самое дно бытия, но поднятого Отцом Небесным с этого дна. Тем явлена была воскрешающая сила Отца Небесного, явлена всем без исключения. Каждый, верящий в эту силу и вслед за Иисусом принимающий ее, оказывается сознательно, верою на мне, лозе Божией, в теснейшем единении с Иисусом Христом, расширяющееся сознание которого я продолжаю наполнять всею полнотою животворящей связи с Отцом Небесным.

Примите же верою меня и Иисуса Христа, непосредственно ведущего принимающих все сие по пути спасения! После воскресения своего он — часть меня, действенный посредник и помощник на пути единения со мной и Отцом Небесным!

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Ирина Христюк

Мама – Светлый Ангел

Задрожали руки, потекла слеза –
Я к родной калитке тихо подошла.
Осторожно цепочку я сниму с кольца –
Заскрипит калитка. Заболит душа.

Звук знакомой нотой зашемит в груди:
«Вытри слезы, милая, в огород ступи»,
Выглянет тихонько вдруг из-за угла
Мамина седая рідна¹ голова.

На лице – улыбка, палочка – в руке,
Босиком, конечно, – «легче при ходьбе»,
Поцелую маму, посмотрю в глаза,
Замечая грустно: устают... с утра.

Обниму за плечи, усажу за стол.
«Много накупила», – хмурит мама бровь.
Где найти слова, чтобы объяснить:
Мама – Светлый Ангел, подаривший жизнь?!

Маятник часов застыл вдруг в январе –
Девяносто две зимы – на алтаре.
Черный коленкор молчит на зеркалах.
В доме – тишина, седины – в волосах.

Высох мой родник любви и доброты,
Памятник оставив – свежие кресты.
И стоит без мамы на семи ветрах-
Дом, с дрожащими тенями при свечах.

8 июля 2015

Позволь мне, жизнь

Замедли бег и перейди на шаг,
Позволь мне, жизнь, святой удар в набат
Местам, порхало детство где в мечтах,
И шла любовь на алых парусах,

Маняще разливалась где весна
И где вкусила радость бытия,
Где щедро расстилала жизнь ковры
Из черно-белых красок тишины,

Где утро умывается росой,
И где отец мой – вечно молодой,
Где мамин взгляд – есть высший судия,
С неуловимой искоркой тепла...

Не вычеркнет безликая толпа
Из памяти родные имена!
Мне в сладкой дымке предрассветных снов
Сочится с поднебесья их любовь.

14.08.2015

Тебе сегодня шестьдесят

Тебе сегодня шестьдесят
Холодных зим и теплых весен,
А я ведь помню двадцать пять
Горячих лет и сладких осень.

Тогда все было в первый раз,
То был наш первый день рождения,
И сокра маре² строгий взгляд,
И судеб наших единенье...

Немало выпало дорог
Пройти, родной, по жизни вместе,
Но дома нашего порог –
Залог достоинства и чести.

Я научилась по глазам
Читать ответы на вопросы,
Святым молиться образам,
Минуют пусть дожди и грозы.

В молчанье слышать крик души,
Заботу – в голосе дрожащем,
Христа молить: ТЫ не гаси
Свечу любви её держащих.

И радость в разности найти,
И уважать твои морщинки,
И боль твою носить в груди,
И почитать твои сединки.

Чем тоньше жизни нашей нить,
Чем уже мост меж тьмой и светом,
Тем глубже стали мы ценить,
Что называется обетом.

Напополам и хлеб и соль,
В болезнях рядом и печалях,
Всем сердцем веря, что любовь
Приблизит нас к вратам от рая.

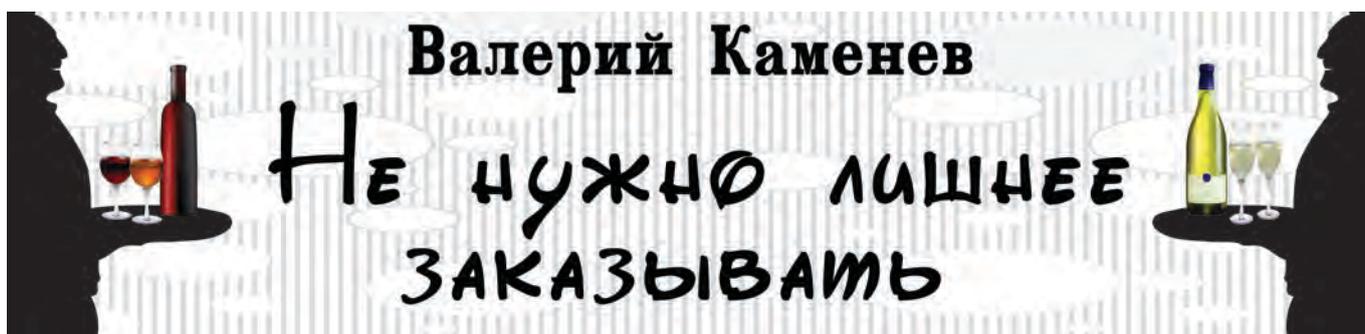
Затихнет суета сует,
Умолкнут жизненные бури,
И временные русла рек
Иссохнут, что вчера сомкнулись...

Но вспыхнет новая заря,
И полноводные притоки,
Наполнив русла бытия,
Вновь ощутят свои истоки.

Тебе ведь только шестьдесят...

1 рідна - родная (укр.)

2 Сокра маре – свекровь (молд.)

Одесса периода между правлениями И. Сталина и М. Горбачева имела славу города особого – вольного и веселого. Город украшало «самое синее в мире» море, тенистые аллеи парков, уютная домашняя обстановка знаменитой Дерibasовской. Радовала атмосфера незлобивости и доброй иронии местных жителей. Фирменный стиль жизни города во многом определялся глубокими морскими и коммерсантскими традициями, олицетворяемыми моряками заграничания, одесской толкучкой и Привозом с изобилием «даров» полей, садов и моря. Деловой стиль города сдобривался славными артистическими и музыкальными достижениями одесситов, многие из которых имели мировую известность.

Любимый город жители называли просто: Город – с большой буквы, подчеркивая тем самым, его исключительную уникальность.

Нет, конечно, это был советский город. Со всеми вытекающими... И в то же время он был чуть-чуть не советский. Как бы, сам по себе. Еще со времен его основателя – Екатерины II и полученного в 1817 году по инициативе русского подданного герцога де-Ришелье статуса «порто-франко», который давал особые привилегии городу при взимании пошлин. Отметим в связи с этим, что самым известным памятником в Одессе во все времена считался именно памятник Дюку – герцогу (не В. Ленину, не К. Марксу, не Екатерине, и даже не графу Воронцову).

В Одессе всегда можно было встретить что-то необычное. Вспомнилось лето конца 50-х, когда я обратил внимание на вновь открытое кафе на Тираспольской площади. Название забылось, что-то вроде: «Выпить и закусить». Кафе-автомат – обслужива-

ние посредством автоматов. Автомат выкатывает бутерброд на тарелочке, другой – стаканчик, в котором (так утверждалось!) 90 грамм водки. Проходила кампания по привитию культуры питья. Если уж пить, то «под закуску». Это понятно. Но почему 90? Народ привык к стандарту: 100, 150 или 500 на троих. А тут 90!

Разгадку, в какой-то степени, получил пару лет спустя, когда отправился служить в Сарату – поселок в Одесской области между Измаилом и Аккерманом. Наше общежитие располагалось вблизи чайной. Самым популярными продуктами в буфете чайной были водка и пиво. Но можно было и покушать, и даже – выпить чаю. Иногда мы заходили туда поужинать.

Про чайную вспомнилось в связи с тем, что тогда буфетчица рассказала нам о забавном эпизоде, связанном с популярным артистом Юрием Тимошенко, выступающим в те годы под сценическим образом «Тарапунька». Вместе с Березиным – «Штепселем» они разыгрывали забавные интермедии на русском и украинском языках.

В то время в Сарате снимался фильм «Зеленый фургон» (версия 1960 года). Играл там и Ю. Тимошенко. Так вот: заходит Юрик как-то в чайную и заказывает 90 грамм водки. Буфетчица интересуется: почему именно 90, а не 100. Отвечает: «Хотел 100, но подумал – вы же все равно нальете 90, зачем же лишнее заказывать?». Так что в емкости 90 заложен глубокий смысл: никогда вам 100 не нальют! 90 – в самый раз, это раз! И не нужно лишнее заказывать – это два! Многие подобные эпизоды, связанные с той, чуть-чуть не советской, Одессой, вспоминаются сегодня. Возвратится ли она – прежняя Одесса, забываемый вольный и веселый Город у синего моря?

Предпраздничные декабрьские дни. Общежитие. Интернациональное: еще Советский Союз.

Два соседа-узбека поехали на зимнюю рыбалку. Кроме удочек и приманки ничего не взяли. Нашли польню и ждут, когда клонет.

Час-другой. Мороз. Замерзли, как собаки. Ничего, конечно, не поймали. Наша рыба – ученая, особо зимой: она не на наживку приплывает, а на запах водки. Мордочку высовывает, нанохивается, балдеет и... она ваша.

Почему же соседи из ближнего зарубежья просто не пошли в магазин и не купили там рыбы? Дело было в России. В России к празднику самая распространенная рыбка – селедка. И все знают, что селедка – не только вид рыбы, но и уже готовое кушанье. Но иностранцы, впервые попавшие в холод зимы, об этом не знают. В их представлении нормально пойти, наловить рыбы и приготовить. Примерно изучив подледный лов, приятели отправились к проруби, где и замерзли, потерпев неудачу.

Голодные и замерзшие, пошли к соседу по этажу. Тот, конечно, не зло посмеялся и дал дельный, обычный в России, совет: пой-

ти в магазин, пока не закрыто, купить водки, чтобы не заболеть пневмонией, и на закуску купить селедки. Что приятели и сделали, однако, не понимая, почему нужно было покупать именно селедку.

Каково же было удивление общаги, когда в 11 часов ночи вместо приятных ароматов с общей кухни начал распространяться препротивный удушающий запах... да просто вонь жареной тухлятины! Сбежавшимся студентам представилась странная картина. Приятели-узбеки тусовались возле плиты. Один жарил... готовую соленую селедку, а другой собирался вылить в нее водку, дабы уменьшить запах. Никакие объяснения, что селедка уже готова и просолена, что ее так можно есть, не привели к желаемому результату – она все же была пожарена и съедена с большим удовольствием. Водку у приятелей удалось отобрать. Студенты из Украины приготовили из нее настойку с перцем и салом, чем и вылечили незадачливых южных рыболовов от пневмонии.

К счастью, это был первый и последний русский праздник в их жизни.

Жил-был Писатель. Всю свою жизнь он писал детские сказки. У него была богатая Фантазия и большое Вдохновение. Каждый день он по многу часов проводил за своим письменным столом и писал новые и интересные истории для малышей. А дети с нетерпением ждали его новых сказок. Так Писатель прожил много лет, не зная Лени. Однако Лень постоянно крутилась возле него. Она очень хотела одолеть Писателя, заманить его в свое царство ничегонеделания, чтобы он навсегда перестал писать.

Что только она ни придумывала: то с одной стороны подойдет, то с другой подкрадется... Только Писатель всякий раз прогонял ее прочь. Но хитрая Лень все никак не унималась и однажды решила похитить у Писателя Вдохновение, которое никогда еще его не покидало. Воспользовавшись моментом, когда Вдохновение писателя спало, Лень окутала его своей невидимой паутиной и незаметно утащила прочь.

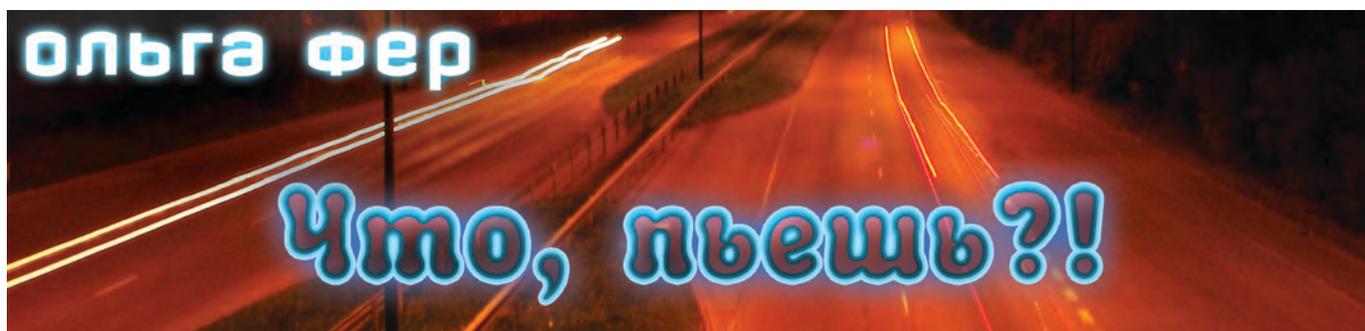
Ничего не подозревающий Писатель, как обычно, сел за письменный стол, но впервые за долгое время не смог написать ни строчки. То же самое повторилось и в последующие дни. А тем временем дети начали грустить, потому что давно уже не читали новых сказок Писателя.

Только злая Лень радовалась своей победе. И кто знает, как еще могла бы закончиться эта история, если бы однажды Писатель,

сидя в кресле перед чистым листом бумаги не услышал звуки музыки, которые доносились из соседнего дома.

Дело в том, что к соседке Писателя приехала в гости ее любимая внучка. Это была милая девочка 10 лет, которая усердно занималась игрой на пианино. Она уже несколько лет ходила в музыкальную школу и брала дополнительные уроки у самого известного в городе педагога. Каждый день она посвящала несколько часов игре на пианино, упражняясь и даже сочиняя этюды. На этот раз она исполняла для бабушки собственное сочинение, и тогда ее услышал грустный Писатель. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и начал мечтать. Звуки музыки подхватили его мечты и понеслись далеко-далеко за облака, через горы до самых звезд прямо в царство завистливой Лени. Мечты о новых сказках, добрых и отважных героях, верных друзьях, о чудесах объединились со звуками музыки и разрубили паутину, которой было связано Вдохновение писателя. Застигнутая врасплох Лень сильно испугалась и навсегда убежала из своего царства неизвестно куда.

Освобожденное Вдохновение наконец-то вернулось к Писателю, и не успела Девочка доиграть, как он уже закончил новую сказку. Больше Лень не возвращалась, а Писатель снова радовал детей своими добрыми историями.

Раннее Питерское утро. Пустынная дорога. 6 утра.

Ночная смена милицейского патруля сонно скучает. Единичные машины проносятся с ветерком. Патруль не останавливает. Ленно. Летняя роса на стекле смеется, размазывая струйки теплой воды. Утро. Скоро смена.

Один из милиционеров выходит на обочину. Сладко потягивается, зеваает. Жезл болтается и больно ударяет о локоть.

На пустынной дороге появляется большой автомобиль. Милиционер настораживается: такие обычно сильно превышают скорость. А тут такой соблазн: ни одной автомобильной души... Постовой перемещается поближе к проезжей части. Сейчас Этот приблизится, и пробежка закончится штрафом.

Нет, постовой не был злым. У его дочери сегодня день рождения, а он на смене, и зарплата еще далеко.

Автомобиль приближался. Как заклинание милиционер повторял про себя: «Хоть бы он нарушил, хоть бы он нарушил!» В большом лобовом стекле автомобиля водитель виден отчетливо. На расстоянии примерно 10 метров водитель вдруг подносит руку к голове. Постовой просыпается. Вначале ему кажется, что

человек за рулем подносит к виску пистолет. Потом – что тот сам себя душит.

Милиционер поднимает полосатый жезл. Почти за два метра до остановки водитель откровенно подносит ко рту бутылку с пивной этикеткой и жадно пьет.

Попался. Но какая наглость! Опускается боковое водительское стекло.

– Доброе утро. Пьете за рулем?

– Нет. Не пью. Я вообще не пью ничего запрещенного. Даже кефир.

На сидении рядом с водителем стоит бутылка из-под пива, пустая наполовину.

– А это что у Вас? Чай? – не удерживается от сарказма милиционер.

– Чай. А как Вы угадали? С малиновым вареньем. Хотите?

В бутылке действительно был чай. Персонаж ехал с дачи на работу. Термос остался дома, а из другой посуды нашлась только бутылка из-под пива, которое использовали, чтобы вывести на огороде улиток.

Валерий Додзин

Ты и Вы

*Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвась, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!*

Какая прелесть! Вместе с Александром Сергеевичем умиляемся тому, что дает нам русский язык, и таинству использования местоимений «ты» и «вы». «Ты» – признак близости: мужчины и женщины, между членами семьи, друзьями и просто знакомыми. Во многих случаях и «ты», и «вы» – очень даже уместны, если бы не одна давняя чисто русская особенность, сохранившаяся до наших дней, основанная на рабском разделении людей на «ты, Ваня» и «Вы, Иван Иванович».

В прошлом к одному лицу, даже князю или царю, на Руси обращались исключительно на «ты». Обращение «Вы» в России насадил Пётр I. Каким бы прогрессивным он ни был, это был сугубо русский человек, и переняв у европейцев обращение «ты» и «вы», привил его в России в «чисто русском» варианте, совместив с «табелью о рангах», по которой ко всем вышестоящим по рангу надлежало обращаться на «Вы». За нарушение этого правила полагался денежный штраф. Петр I узаконил чиновничество, и оно легко привилось, попав на почву, где преклонение перед сильным всегда было одной из основ жизненного уклада: «Унижайся перед сильным и унижай слабого!»

Во времена Пушкина рабство было естественным состоянием русского общества, и немногие считали кастовое разделение людей по их происхождению чем-то недостойным и тем более позорным. В наше время вполне понятно, что взаимное обращение на «Вы» или «ты» должно соответствовать обоюдному уважительному отношению друг к другу, но как понять здравым умом взаимоотношения, завязанные на укоренившейся традиции унижения зависимой личности перед другой, более влиятельной. Одностороннее обращение на «Вы» перед старшими по возрасту – вроде бы нужно, но где граница такого разделения: два года, пять лет, десять, двадцать? А если начальник младше тебя? Наш начальник или хозяин легко, а иногда с наслаждением обращается к зависимому от него человеку, даже старшему по возрасту, по-хамски – «ты», отлично понимая, что такое обращение коробит зависимого от него собеседника, обладающего чувством собственного достоинства, и тем не менее, тот не смеет ответить ему тем же. Неписанный закон, а это именно «закон», живет в каждом с детства и в значительной степени определяет сущность русской жизни. Надежный признак превосходства начальника перед подчиненным: попробуй, ответь ему тем же – в лучшем случае он одернет тебя, а чаще – постарается избавиться со временем от «наглого» подчиненного. Наблюдать это можно повсеместно и, к сожалению, это явление не вызывает у большинства населения заметного неприятия. Подобные взаимоотношения прочно укоренились в русском обществе и укладываются в общую парадигму, коротко определяемую известным выражением: «Следует знать, кому лизнуть, а на кого тявкнуть».

Казалось бы, разделение на «ты» и «Вы» не бросается в глаза, и на него не обращает внимания большинство людей, но это не так! Беседующие между собой люди строго следят за своим языком и стараются не позволять себе переступить принятую «грань», по-

скольку с началом сознательной жизни человек проходит долгую «школу взаимоотношений», которым нигде формально не учат. Глядя на взаимоотношения старших, дети начинают усваивать, осознавая, в первую очередь, свое место в иерархии, и берут за основу примеры отношений взрослых между собой.

Казалось бы, в чем проблема? Живи как все, следуя неписаному «закону» – не ищи проблем там, где все и так ясно: сегодня «ты» – Ваня, а завтра достигнешь положения и станешь «Вы» – Иван Иванович, что можно понимать и так: позволяй себя унижать, чтобы потом иметь возможность унижать других. Необходимость следовать неписаному «закону» коробит, как правило, публику деятельную, амбициозную, с повышенным чувством самоуважения. Эти люди не хотят жить как все – унижаться и унижать и более других болезненно переносят существующие нелепые элементы взаимоотношений.

На Востоке, где существует только обращение «ты», а уважение к старшим – неизменная часть общей культуры, не дошло до такого сознательного самоунижения одной личности перед другой, как в России. В английском языке есть только «вы» (*you* «ю»). У французов тоже есть «ты» (*toi* «то») и «вы» (*vous* «ву»), но там обращение между людьми строго регламентировано, и уровень общей культуры населения иной. «Ты» для француза – обращение особой близости и не призвано делить людей по их влиятельности, там это совсем другое. Если француз обращается к тебе на «ты», то это значит, что он принимает тебя как друга и приглашает к такому же обращению к себе. Все по-людски.

Естественная составляющая темы: «Когда и в каком случае нужно обращаться по имени, а когда по имени-отчеству?» Этот вопрос не менее сложный и важный.

Пример реального телефонного разговора бывших сослуживцев:

– Здравствуй, Зина, это Галина Ивановна. Как твои дела?

– Здравствуйте, Галина Ивановна, всё хорошо. Как у Вас?

Зина, бывшая подчиненная Галины Ивановны, младше её на 2 года, почти ровесница. Прошло много лет, но иерархическая память о когда-то сложившихся элементах взаимоотношений, принятых в кастовом обществе, прочно засела в головах бывших сослуживцев, и у обоих не вызывает недоумения. Потому что так было всегда.

Но все же почему? Кто постановил, что в современном обществе без стеснения можно подчеркивать превосходство одного человека перед другим? Где скрываются основы культуры взаимоотношений целого народа? Почему этим правилам никто, никогда и нигде не учил население? Скорее всего, об этом никто всерьез не задумывался. Просто начальник – «Вы, Иван Иванович», подчиненный – «ты, Ваня». Без заморочек.

Существующая сегодня ситуация во взаимоотношениях между людьми в России предполагает сохранение на долгие годы элементов рабского прошлого, в чем, на мой взгляд, заключается в значительной степени одна из важнейших проблем формирования равноправного гражданского общества. Без всякого преувеличения! Нам кажется, что свобододлюбивая часть населения России численно увеличивается, и с повышением чувства самоуважения у каждого гражданина прорастает реальное понимание равноправия, в том числе – и в части уважительного обращения друг к другу. Но как долго должен формироваться этот процесс в масштабах целого народа? Сколько ждать? Сколько сотен лет?

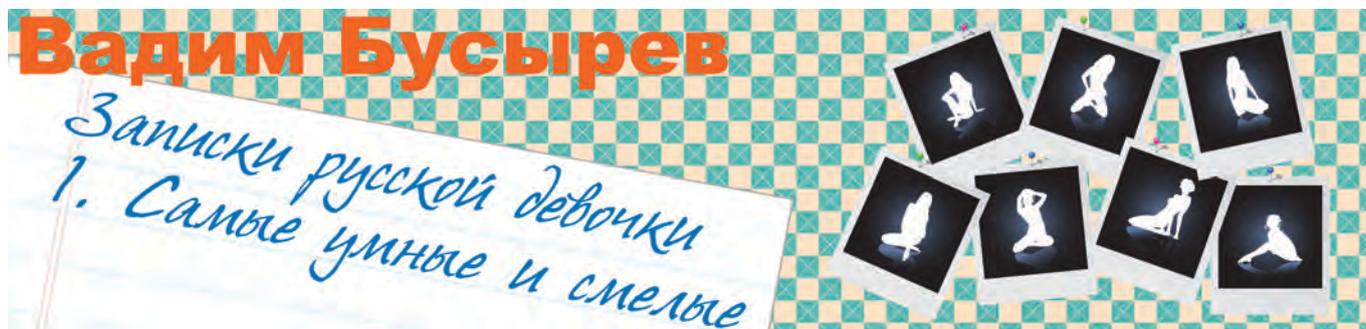
Возможно, мысль покажется незрелой, однако стоит подумать

о том, что как было введено когда-то указом разделение людей на «ты – вы», так и сейчас, в более свободных условиях, следует законодательно убрать такое разделение. Как бы это сейчас смешно ни выглядело, но в какой-то степени «новый закон» может «взбодрить» нижестоящих, поднять их уровень самоуважения, и «обуздать» хамоватых вышестоящих. В каком это будет виде – «ты» или «вы» – на сегодняшний день не столь важно, хотя я более склоняюсь к французскому варианту. Есть испытанный временем пример взаимоотношений, принятых в русскоязычной общине

Израиля: обращаться только по имени, а отчество при общении друг с другом не использовать, независимо от разницы в возрасте и положения.

Во всяком случае, в России назрела необходимость общественной дискуссии по вопросу взаимоотношений – одному из важнейших при формировании реальной демократии. Пора начинать выдавливать из себя ещё одну каплю рабства.

Ноябрь 2015г.

Бабушка мне рассказывала, что очень-очень давно к нам в Россию приезжали французы. Много приезжало французов. И французенок тоже много приезжало. Мода такая была, что ли? А папа мой сказал, с деньгами тогда всё наоборот было. В России у нас тогда денег было слишком много. Папа сказал, что денег было – «что грязи». А сейчас стало наоборот. Как это может быть – я не понимаю.

И вот они, французы и мадмузели – французенки, учили у нас маленьких детей говорить и писать по-французски. И читать, наверное, тоже. Ноутбуков же тогда, наверное, не было? Или были они? Может не у всех только...? Я бабушку спросила про это, она проворчала, что и телефонов-то тогда не было, а не то, что ноутбуков. Я не поверила бабушке вовсе. Как это так? Чтоб мобильных – да и не было? Это как же тогда мне бы самой бабушке звонить, что со школы я иду, чтоб она мне обед разогревала?

Тут папа опять вмешался. Он сказал:

– Было. Не у всех, конечно. У евреев – всё было.

А я тут опять ничего не поняла. И бабушка тоже, кажется, ничего не поняла. Бабушка сказала папе недовольно:

– Я ничего не понимаю. Как это может быть?

На это папа ответил вообще уж совсем загадочно. Загадочно и необъяснимо:

– Потому что Они, евреи – самые умные и смелые люди. Из всех на белом свете.

И расскажет он нам просто один случай. Из жизни своей. Папа вообще много нам таких случаев рассказывал. Не знаю я – правда ли так бывало на самом деле. Или он всё это придумывал. Мама говорила, что это всё – пиво виновато. Как он выпьет его – так всю глупость эту и придумывает. Пиво такое, что ли, в России особенное? А французское, что ли, не такое? Вы вот послушайте и – сами решайте: в пиве всё дело, или нет.

Вот какой нам тогда рассказик папа сочинил. Прямо скажем – развлекательный.

«Америкой заморской сейчас можно кого-нибудь сильно удивить? Долларами ихними зелёными, фильмами – ужасниками, журналами совершенно откровенными...? Или ещё чем? Наверяд ли.

А с нами в те времена случались истории – так просто обливаться от удовольствия можно было. Или же от страха. Ну, я хотел сказать – обохочешься. Мы ведь в ту пору в моря-океаны на корабле ходили. Науку изучали. По-простому говоря. Но в штате американском Гонолулу – первый раз в жизни побывали.

Покупать там нам и не разрешали особо ничего, да и денег – не было соответствующих.

Был у нас в отделе научный сотрудник – Семён Абрамович. Папа у него был – Абрам, а он – просто Сеня. И вот этот Сеня, один из всех нас, умудрился-таки... И ведь никому ни слова... Возвращаемся домой в Ленинград. В родную нашу Гавань. И этот... иудейский праведник – сам! Представьте только себе – сам! – выкладывает вдруг перед таможенной журнал с... ну, с этими... девушками... с голыми вовсе. У всех, ясное дело, полный столбняк. Глаза выпучили, рты раскрыли. А Сеня такую речь ведёт:

«Я прекрасно всё понимаю, товарищи. Я только прошу Вас – поймите меня правильно. Прошу Вас, очень мне надо показать своей Мусе этот журнал. Один хотя бы раз. Увидела чтоб она, как другие люди в жизни «это» делают. Не как мы с ней. В темноте, под непрременным одеялом, чуть ли, извините, не в валенках. И – всё! Честное-благородное слово даю, что больше никому и никогда не покажу этот, с вашего позволения сказать, печатный орган. Сцена тут далее, естественно, была немая.

Сеня, чувствуя, что едет он-таки вроде не туда, хочет желанием свои сократить:

«Или-таки, ежели Вы мне прикажете – пожалуйста, сдам Вам этот журнал взад. Только один раз Мусе покажу. Принесу его Вам в Ваш Комитет, или куда скажете, честное-благородное слово даю, или пришлю его по почте куда надо, могу хоть на Лубянку...»

Все обалдели-таки совершенно.

Сеню-таки даже не арестовали.

Да, у Сени журнал тот-таки просто даже не отобрали. Забыли, видать, что ли... А ещё кто-то будет говорить: «они, Сыны Израилевы – не сильная, смелая нация»? Да Сеня наш, можно сказать, один из первых принёс нам в страну первый глоток вот этой нынешней «штатовской» демократии и свободы слова. С него, Сени нашего, пошли, начало своё взяли все Ток-Шоу разные по ТВ и везде, где девочки в неглиже всё демонстрируют... Ну, и так далее... Теперь, правда, уж, и не продохнуть от этого вовсе, но это ж совсем другая, как говорится, песня».

Вздохнул тут папа, задумался и закончил странно как-то:

– Правда, позднее у нас другой был случай. В жизни морской нашей былой, но..., об этом может как-нибудь, если захотите, вспомню-расскажу... В другой раз.

Я опоздала на свой автобус. Последний пассажир быстро вскочил на ступеньку, и дверь закрылась прямо у меня перед носом. Я даже успела стукнуть ладошкой по холодному металлическому боку старенького автобуса, но водитель меня, конечно, не услышал. Раздосадованная, я уселась на скамейку. Теперь ждать надо минут двадцать. И я точно опоздаю на работу. Несколько голубей в надежде чем-нибудь поживиться приземлились рядом с остановкой. Я проверила карманы, в одном из них завалились семечки, я бросила их голубям. Они оживились и в драку бросились склевывать мою жалкую подачку. Из-за поворота показался новенький, блестящий в ранних солнечных лучах ярко-желтый автобус. Я продолжала спокойно сидеть, не надеясь, что это может быть мой. Но все-таки, ощутив какое-то внутреннее беспокойство, встала и стала всматриваться вдаль. Моему удивлению не было предела, когда я увидела, что это мой автобус с номером 11 К. Он подъехал, остановился, я вошла. Автобус был пуст. «Все как-то необычно», – мелькнуло у меня в голове, – «Где утренняя давка? Может, я перепутала дни недели, и сегодня выходной? Но первый автобус ушел набитый пассажирами до отказа. И обычно на этом маршруте автобусы маленькие и не новые. А этот – как будто только что сошел с конвейера, внутри тоже удивительно чисто. Наверное, мэр раскошелился и решил обновить городской автопарк, приятно осознавать такую заботу. Пока я была занята размышлениями, автобус заехал в какую-то незнакомую для меня местность. Сердце ускользнуло в пятки. Я ошиблась. Села не в свой автобус. Господи, теперь меня точно уволят с работы. А я только пошла вверх по карьерной лестнице. У меня появился свой кабинет, подчиненные, я наслаждалась работой. Цифры – это моя стихия. Удивительный мир формул и вычислений, точность. В бухгалтерии я была, как рыба в воде. И на тебе. Начальник отдела опоздала на работу. Надо срочно позвонить, придумать что-нибудь. Я пошарила рукой в кармане пальто, но телефона там не было. И – о, ужас! – я вспомнила, что, выбегая из дома, забыла телефон на тумбочке в прихожей, впопыхах вернулась, сунула его в карман и побежала на остановку. А потом голуби... Семечки. О, нет! Я его выронила. Не позвоню. Все, я уволена!» Слезы градом покатились из глаз. Сквозь пелену слез я увидела, что за окном пейзаж стал совершенно экзотическим. Если до этого мы ехали по проселочной дороге с унылым глубоко осенним пейзажем, то сейчас вокруг были пальмы, цветущие магнолии, ухоженные клумбы. И самое главное – море. Белый песчаный берег и море. Слезы высохли сами по себе. Открыв рот от удивления, я во все глаза рассматривала местность. Высокое прозрачное, голубое небо. Бескрайнее море, воздух плавится от жаркого солнца. Автобус стал замедлять ход. Еще несколько метров и он остановился. Я сидела, на месте и не могла сообразить, что же мне делать. А тем временем в автобус стали входить пассажиры. Люди были одеты в шорты, легкие платья, на головах у них красовались банданы, шляпы, панамы. Мужчины, женщины, дети. Автобус заполнился веселым беспечным гомоном отдыхающих. И тут я начала понимать, что все они смотрят на меня. Я сидела в теплом осеннем пальто, шапке и сапогах. И крепко сжимала в руках свою кожаную сумку. Вид, конечно, был у меня глупый и испуганный. Люди смотрели на меня с неприкрытым интересом и удивлением. И под этими взглядами я начала потихоньку раздеваться. Мне было нестерпимо жарко. Я сняла пальто, расстегнула кофточку, благо под ней у меня была майка. Дальше я раздеваться не рискнула. Слишком уж смущали меня взгляды, особенно мужские.

Они с явным интересом ждали от меня продолжения. Но я взяла себя в руки, как ни в чем не бывало расстегнула сапоги и на этом успокоилась, уставившись в окно. Автобус через несколько минут остановился и водитель объявил, что это конечная остановка. Все вышли, я тоже пошла к выходу, бросила горсть мелочи в протянутую руку водителя, брови его удивленно поползли вверх, но он ничего не сказал и положил мелочь в коробку. Я вышла, пальто в руках, сапоги расстегнуты, взгляды прохожих бомбардируют, как торпеды. Я искала глазами хоть какой-нибудь магазин, чтобы купить легкую одежду. Мне как назло попадались всевозможные кафешки, сувенирные лавки, но только не одежда. Я прошла еще два квартала по неизвестному мне курортному городу, изнемогая от жары. Взгляды меня уже не тревожили, хотя даже дети крутили у виска, глядя на меня. И вот, наконец, желанный магазин: на витринах красовались стройные манекены в купальниках. Я чуть ли не бегом, понеслась через дорогу. Споткнулась о бордюр и растянулась прямо на дороге. Возле моей головы, завизжали тормоза, из черного джипа выскочил молодой respectable бронец с колючим карим взглядом и заорал на меня, что есть мочи:

– Да, ты больная, что ли? Мало того, что одета не по погоде, так еще и под колеса бросаешься!

– Я не бросаюсь, я споткнулась.

И тут я разрыдалась. Я села на дороге и начала рыдать, истощено, в голос. Бронец оттащил меня в безопасное место, покрутил у виска, сел в свой джип и рванул вперед. Я успокоилась. Вытерла слезы, встала и неуклюжей походкой пошла в магазин. Там я выбрала себе пару шортов, купальник, майку и летнее платье. Шлепки и шляпу. Подойдя к кассе, я достала кошелек и карту, но девушка удивленно посмотрела на меня, и сказала:

– Мы это не берем.

– А что же... какая у вас валюта?

Девушка ничего не сказала и стала внимательно шарить глазами по мне. Потом она остановила свой взгляд на сапогах и сказала: «Давайте вот это. Это вполне подойдет». Я в недоумении сняла с себя сапоги и отдала ей. А про себя подумала, что губа у нее не дура, что сапоги мои стоят очень дорого. Мне, конечно, жаль было с ними расставаться, но другого выхода не было. Я переоделась в магазине, вложила свои теплые вещи в пакет и налегке, вышла на улицу. Хотелось есть. Неподалеку я увидела вполне приличное на вид кафе и заглянула внутрь. Обстановка была приятная. Тихая музыка, светлая плетеная мебель, на окнах белые полупрозрачные шторы, столы застелены белыми скатертями. Мне все понравилось, и я решила, что поем здесь. Я уселась за столик, открыла меню, лежащее на столе, оно было вполне обычным. Заказала котлеты из курицы, картошку пюре и салат из огурцов с помидорами. Молодой, приятной наружности официант обслужил меня быстро и ненавязчиво. Но когда пришло время рассчитываться, опять возникла проблема. Я протянула ему тысячу рублей, он округлил глаза, и спросил:

– Нет ли у вас чего-нибудь другого?

Я порылась в пакете, вытащила первую попавшуюся вещь, это оказалась моя серая кофта с перламутровыми пуговицами из ракушки. И показала официанту. Он зачем-то ушел на кухню, вернулся с ножницами, отрезал пару пуговиц и сказал:

– Этого достаточно.

– Спа... спа... сибо! – Заикаясь выговорила я и вышла на улицу.

В моей голове была полная неразбериха. Куда я попала? Как мне вернуться обратно? Что делать сейчас? Я осматривалась по

сторонам. А потом вдруг вспомнила, что видела здесь море. Надо идти к берегу и искупаться. А потом буду думать, что мне делать дальше. Я пришла на пляж. Переоделась в небесно-голубой купальник и пошла к воде. Она оказалась теплой, как парное молоко. На пляже было немногочисленно, и я с удовольствием растянулась на песке. Мне кажется, что я уснула, потому что очнулась от мужского голоса, показавшегося мне знакомым.

– Смотри, какая милая и стройная блондинка.

– Да, она ничего, – ответил другой мужской голос.

Я подскочила и села, обхватив колени руками. В одном из мужчин я узнала брюнета из черного джипа. Он, как видно было, тоже узнал меня.

– А, старая знакомая.

На этот раз в глазах его не было колючести, только запрыгали лукавые чертинки.

– А где же ваше пальто и сапоги?

Он не скрывал своей иронии. Но зла в его словах не было.

– Там, в пакете, – кивнула я головой в сторону большого белого пакета.

– А, понятно, конечно, в наших краях без сапог и пальто ну никак нельзя!

Теперь он начал хохотать, а его приятель, симпатичный шатен с серыми глазами, продолжал меня с интересом рассматривать.

Я подумала про себя, что вообще-то приключения мои не так уж и плохи. Здесь я окружена мужским вниманием, а там, в своей обычной жизни, мне этого внимания очень не хватало. Работа, работа и еще раз работа. С Женей расстались из-за работы. Сердце больно кольнуло. Я так его любила... А он вечно упрекал меня, что я зарабатываю больше, чем он, что я мужик, а не девушка. Что я мало уделяю ему внимания. Однажды вернулась домой порань-

ше, полная желания угодить своему любимому, тащила в пакете вино и дорожный сыр, спешила, чтобы побыстрее приготовить романтический ужин. И застала его в нашей спальне с какой-то рыжеволосой и длинноногой девицей. Его выгнала. Вино выпила сама. О Боже, да это же было вчера.

Да, только вчера. А сегодня вот попала непонятно куда, непонятно зачем...

– Ольга.

– Ольга Владимировна...

– Что т... такое? – я резко подскочила и тут же вспыхнула ярким румянцем.

Оказывается, я просто заснула у себя за рабочим столом. Вчера я действительно рассталась с Женей. У меня был трудный день. И поэтому меня просто вырубил от перенапряжения. Но самое страшное – что у нас новый директор. И сегодня он знакомится со всеми сотрудниками. А я, начальник отдела, сплю за столом.

Я подняла глаза и оторопела. Передо мною стоял он. Он, кареглазый брюнет из моего сна. Наш новый директор. И его глаза сначала были колючими, а потом смягчились, взгляд потеплел, и он спросил:

– А вы всегда приходите на работу в летних шлепках?

Я опустила взгляд вниз и ужаснулась: на мне были тапочки из того, магазина, из моего сна. Я замешкалась и покраснела, а он сказал:

– У меня такое ощущение, что мы с вами, где-то встречались... думаю, мы сработаемся. – Он улыбнулся и вышел из кабинета.

А я уселась в кресло и тоже улыбнулась от души. Кажется, я нашла его. Своего единственного, такого, о каком мечтала. И, как бы это ни произошло, он здесь, рядом со мной. Чудеса бывают на свете, просто надо в них верить. А я всегда верила!

Мне предсказали, что умру
То-ли ОТ счастья, то-ли В нем.
И к удивленью моему
Добавили про водоем
Мол, то-ли в ванне дело будет
А может где-то у пруда
Но обязательно - при людях
И обязательно - вода.

Весьма любезно зачитали
Все то, о чем хотела знать
Ответы насовсем отдали
Мол, чему быть – не миновать

А я просчитываю струны
Натянутые меж планет
И прикасаюсь к ним бездумно
Рассчитывая на завет
Они звучат, стучат мгновеньем

Которое не стало ждать
Строят не в лад, но повеленьем
Уж замирать, иль выбирать

Я их завязываю сердцем,
Соединяю ноты врозь
На раз, на два и на три герца
Лишь бы не оборвалось

А все ответы – на столе:
Открытый перелом в крыле,
Несостоявшийся проект,
Ненарисованный портрет,
И расходящийся аспект,
И потерявшийся рассвет,
И недописанный конспект:
ответ на все вопросы: "Нет".

24.03.2014, Аккра

Талина Вольская Тропинка

Этот сон повторяется у меня уже не в первый раз. Я иду по тропинке из глубины сада. Мне хорошо знакомы и этот сад, и эта тропинка, и высокий дом с шатровой крышей, на крыльце которого сейчас никого нет. Но я жду, что выйдут хозяева, и я не смогу объяснить, почему я оказалась на этой тропинке. Чувствую себя, чуть ли не преступницей, застигнутой на месте преступления.

Они приезжали, обычно, летом. Узнав об этом от взрослых, я бежала к тому самому высокому крыльцу и ждала, когда появится кудрявая смешливая девочка. Она выходила, и начиналось что-то похожее на праздник. Никогда ни с кем больше не получались у меня такие игры. Мы понимали с ней друг друга с полуслова, ее фантазия дополняла мою, и все вокруг преображалось. Некрашенные половицы пола превращались в бушующее море, мебель изображала острова, а комод с фарфоровыми фигурками и нарядными флаконами становился экзотической страной. Передвигаться по комнате можно было только, перескакивая по стульям, табуреткам, полочкам, чтобы не утонуть в «море».

Наши дома стояли рядом, дворы разделял общий забор. Ее отец и мой были двоюродными братьями, их связывала дружба, у нас с Наташей были старшие братья, тоже почти ровесники, – и все мы для скорости пользовались тропинкой в саду, которая начиналась от двух вынутых в заборе досок.

У нас был свой «штаб» в пустом курятнике, маленький участок земли за сараем, где мы сажали все, что нам хотелось, вернее то, что могли найти в походах по оврагам и пересадить к себе. Была своя библиотека, и даже своя стенная печать. Одно из стихотворений, опубликованное в этой стенгазете, начиналось так:

*Носятся по двору двое козлов –
Вова Протасов и Слава Шаров.
Мнут помидоры, ломают кусты
И нападают на огурцы.
А за ними мчатся козлята –
Девчонки и ребята...*

Стихотворение было достаточно длинное, критическое и заканчивалось моралью, что хватит, наверно, тем козлам скакать, пора заняться делом.

Наши родители тоже много времени проводили вместе. Вот так, двумя семьями, мы ездили за Волгу, ходили купаться на этот берег, бывали в городском парке, в гостях.

Потом они все уезжали, я оставалась ждать следующего праздника. Иногда мне от Наташи приходили письма откуда-то с Севера, из городов, в названии которых был снег и иней – Инта, Ухта.

В доме за забором с вынутыми досками оставалась жить бабушка Шура, добрая, приветливая старушка. К ней я приходила с удовольствием. На детей она никогда не кричала, всегда находила нам какие-нибудь занятия: «А вы вот так поиграйте, именины кому-нибудь устройте». Даст нам вкусных кусочков, и мы стараемся, стол устраиваем, угощаем друг друга. Посадит нас у окна: «Посчитайте, сколько грузовых машин пройдет, сколько легковых, какого цвета». Один считает такие, второй – другие, выигрывает тот, кто насчитает больше за определенный промежуток времени. Если мы слишком начинали шуметь, она предлагала сыграть в молчанку. Кто первый заговорит, тот и проиграл. Потом кто-нибудь начинал: «Вам барыня прислала туалет...» Сколько смеха и шуток вызывали все эти немудреные игры! А бабушка Шура сказки нам начнет рассказывать, анекдоты смешные про Пушкина, который сочиняет стихи для своей подружки:

*«Перед образом Крылова
Сидит рыжая корова
С бородавкой на носу,
Жрет чужую колбасу»*

Про барышень, не выговаривающих букву «л», которые встречают жениха: «Ира, Ира, ты забыва, что нам мама говорила, чтоб сидера и морчара, есри деро не твое!»

Знала она этих сказок и анекдотов великое множество. Иногда про жизнь свою рассказывала, иногда пересказывала прочитанные книги, читать в ее время немногие умели, а она научилась, хотя и не из богатой семьи.

Можно было просто взять книжку и сидеть рядом, посматривая на ее всегда занятые вязанием руки. Вязала она, обычно, крючком из белых хлопчатобумажных ниток. Крючок в ее руках мелькал так проворно, сплетал такое множество разнообразных узоров! Рисунки для своих кружев бабушка Шура и сама придумывала, и перенимала, где только могла. Но этот же самый проворный крючок в моих руках становился непослушным, никак не хотел пролезать в петлю, нитка с него обязательно соскальзывала, из белой быстро превращалась в серую. Она посмеивалась, брала у меня вязание, и крючок снова становился послушным ее ловким пальцам, один из которых был как-то странно короче других. Я пробовала попытаться, почему он такой, но бабушка Шура не захотела говорить на эту тему, так я ничего и не добилась.

На стенах висели картины. Один огромный холст особенно порадовал мое воображение. Тройка лошадей мчалась во весь опор, а на них нападали волки. Один уже вцепился зубами в шею крайней лошади, по шее текла кровь. В снях молодая женщина испуганно оглядывалась назад, прижимая к себе ребенка, мужчина погонял лошадей.

Однажды семья Наташи приехала, как всегда, летом, но в этот раз они не уехали, остались жить здесь. К нашим летним играм прибавились еще зимние. Вместе катались на лыжах, на санях. У нас были деревянные сани, в которые могли усесться сразу несколько человек, мы набивались в них большой кучей. Сани иногда опрокидывались, и вся наша куча с хохотом разлеталась по сугробам в разные стороны.

Кончилось все неожиданно. В очередной раз мы с братом забежали за Наташей и Вовой, чтобы позвать их на улицу. Но вышла на мать и ледяным тоном заявила, что Наташа и Вова никуда не пойдут: «Если мы плохие, значит и наши дети плохие. Больше они с вами играть не будут».

Года два Наташа проходила одна мимо шумной стайки ребят, в которой была и я. Ребята порой подсмеивались над ней, кричали вслед что-нибудь обидное. Я всегда молчала и с тоской смотрела на худенькую прямую спину подруги. Потом ей, видно, разрешили подходить к нам на улице, но в наш двор Наташа никогда не заходила. Когда она подошла первый раз, я даже не сразу нашла что сказать. Позже мы признались друг другу, что очень скучали и нередко видели во сне, как снова играем вместе. Но прежняя дружба уже не восстановилась, что-то было утеряно безвозвратно.

Подробности того, что произошло тогда между нашими семьями, я узнавала постепенно, взрослея. Дыра в заборе была забита наглухо, и ничто уже не напоминало о том, что здесь был проход и тропинка. Дядя Гена с женой написали неисчислимое количество кляуз на моего отца и его сестру тетю Нину. По малейшему поводу и без повода. На его кляузы почему-то немедленно реагировали, и неприятностей они причинили немало. У нас проверяли

каждую машину песка и камней во время стройки, когда подстраивали еще этаж к нашему дому для семьи тети Нины, каждую машину дров. А после того, как умер от рака муж тети Нины, и она осталась одна с четырехлетним Сережей и падчерицей Юлей, родственники Юли и всевозможные организации стали получать письма о плохом обращении мачехи с Юлей. Сообщалось, что мачеха ее плохо одевает, плохо кормит, заставляет нянчить своего сына. Тетю Нину постоянно вызывали на какие-то комиссии. Юлю забирала с уроков в школе, хотя она и так училась без особого энтузиазма, и начинали расспрашивать, сколько у нее платьев, что она ест, как проводит свободное время. Как-то тетя Нина встретила жену дяди Гены, спросила:

– Как же ты можешь такое писать? Ты у меня даже дома ни разу не была и ничего не знаешь.

– А мне и не надо знать. Я напишу, а тебе пусть нервы мотают.

Если в нашей семье или у меня лично случалась какая-то неприятность, я думала о том, как обрадуются этому Протасовы. Ни отец, ни тетя Нина ни разу не пытались ответить им тем же оружием, а жалобы все продолжались.

А начался этот раздор, оказывается, с бабушки Шуры, так горячо мной любимой. Сына у нее было два – старший Геннадий и младший Борис. У Бориса детей не было, он жил с веселой, разбитной бабенкой в том же доме, где и Геннадий, им там отгородили небольшую часть. Он почти все время сидел в тюрьме. Выходил оттуда ненадолго и снова возвращался туда же. Жена не особенно скучала в его отсутствие. Работала она в пивной, поклонников у нее было множество, за них Борис ее «учил», приходил из очередной отсидки.

Геннадий работал следователем на Севере. Когда был снят Берия, ему, видимо, пришлось уйти в отставку. Тогда-то они и приехали в наш городок на постоянное место жительства. Его жена Мария, сторонница твердого убеждения, что сор из избы нельзя выносить ни в коем случае, с бабушкой Шурой не поладила. Может быть, очень много было этого сора, который нельзя выносить. Она объявила мужу, что жить с его матерью не будет. Тот предложил матери перейти к Борису, то есть в единственную крохотную комнатку к развеселой снохе. Бабушка Шура, такая всегда кроткая, покладистая, на этот раз почему-то не согласилась и подала в суд. Мои родители, бабушка (мать отца) и тетя Нина выступили свидетелями на стороне бабушки Шуры.

На суде Геннадий достал длинный список и перед притихшим в изумлении залом начал зачитывать все согрешения своей матери. И такая она, и сякая, и булочки она как-то приносила с хлебокомбината своим внукам (его детям!). Я помню эти булочки – крохотные, словно игрушечные, насытиться ими было невозможно, но есть очень интересно. Приносила она их редко и только по одной – Наташе с Вовой и нам с братом. Что было еще в этом списке – не знаю, но суд все-таки присудил бабушке Шуре остаться у дяди Гены, он обязан выделить ей комнату.

Комнату ей выделили, только жить там она не смогла. Снимала квартиру, потом жила у Бориса. Борис продал свою часть дома и купил небольшой домик-развалюху напротив, на другой стороне улицы. В этой развалюхе бабушка Шура доживала свои последние дни, здесь и померла. Умирала бабушка Шура долго и трудно. Уже когда жила у младшего сына, сломала ногу, перелом плохо срастался. Ходила она с трудом, потом и совсем перестала ходить. Лежала целыми днями одна в комнате с закрытыми ставнями. Борис где-то гулял, жена к тому времени от него уже ушла. Он приходил пьяный, тяжело плюхался на кровать, прямо на ноги матери и начинал ее охалить. Ни дядя Гена, ни его жена здесь не появлялись. Похоронил ее, правда, дядя Гена. Опутал могилу колючей проволокой и больше туда ни разу не пришел. Тетя Нина с Сережей сняли проволоку, поставили небольшой простенький памятник.

Узнала я и секрет короткого пальца на руке. Что-то рассказала моя мать, что-то тетя Нина, что-то я сама прочла в дневниках своего дедушки. Дедушку я никогда не видела, он умер, когда моему

отцу было семнадцать лет. В сундуках среди старых книг, подшивок «Нивы», религиозных сборников долго еще попадались толстые и тонкие тетрадки, исписанные его рукой. Там были стихи, песни, переписка с родными и знакомыми, дневники. Бабушку Шуру (для него, конечно, просто Шуру) он любил. Наверно, она была красивая, что-то от ее красоты сохранилось и в старости. Привез ее сюда из деревни брат моей бабушки, за которого она вышла замуж совсем молоденькой. Вскоре муж умер, она осталась вдовой. А перед смертью муж попросил зятя (моего дедушку) не оставлять Шуру одну, помогать ей по хозяйству. Он и помогал. Дома рядом, управится у себя и к Шуре – дров наколоть, воду принести. А она добрая, ласковая, поблагодарит и посмотрит глазками своими лучистыми. Уйдет Тимофей в рейс со своей поездами бригадой, а глаза эти в пути догоняют, улыбаются, словно обещают что-то... В письмах же совсем другое: «Ты пишешь, что я для тебя словно солнышко, но ведь у тебя жена, дети. Подумай, Тимофей...» Однажды Зина решила посмотреть, как муж помогает Шуре по хозяйству. Тихо поднялась по ступенькам крыльца, а они стоят за дверью, обнявшись, губы слились в долгом поцелуе.

– Бог в помощь вам! Хорошо вы дрова колете.

Тимофей ничего не сказал, а Шура отпрянула от него, сбежала во двор, схватила топор, ударила по своему пальцу.

– Кровью своей клянусь, не будет больше этого!

Ничего больше и не было. Ходила чужая, молчаливая, взгляда не встретишь, и не пытайся. А вскоре сосватали Шуру. Тимофей в очередном рейсе был. Приехал, узнал эту новость, да на том же поезде обратно, куда глаза глядят! Соскочил на ходу, покатился с откоса кувирком, прижался к земле и плакал, плакал, как ребенок.

Икон у нас в доме не было, и никогда я не видела, чтобы моя бабушка молилась, хотя умерла она в 72 года – возраст, когда многие, кто и не верил раньше, обращаются к богу. В их семье умерли пятеро детей, причем двое за одну неделю. Умерла от дизентерии пятилетняя девочка, а семилетний ее брат очень плакал: «Как же мы теперь без Галочки будем?» Похоронили ее, Тимофей уехал в рейс. Приезжает, а в доме еще гроб стоит, умер и этот мальчик. Бабки обступили, стали утешать: «Бог тебя любит, любя, наказывает». Он собрал все иконы и разрубил в мелкие щепки: «Пусть бог меня не любит, пусть дети живут!»

Бабушка Шура в бога верила. Иногда и мне читала что-то из старинной книги с желтоватыми листьями и узорными старославянскими буквами: «Только родителям смотри не говори». Но я все равно не понимала ничего из того, что она читала.

Шли годы, мы росли, родители старели. Отец получил квартиру, в доме осталась я с сыном и тетя Нина с Сережей. Жалобы стали приходиться на меня: почему у меня остался телефон, его надо снять и передать дяде Гене; сжигали во дворе мусор – куда же его девать, если двор маленький, а машина для мусора в наши края не приезжает? На улице дядю Гену называли «Гитлер» или «фашист». И он, и его жена подходили, обычно, со слащавой улыбкой, расспрашивали о том, о сем, а потом любые, сказанные без всякой задней мысли слова извращались самым неожиданным чудовищным образом. Когда вдруг загорелся их дом, а я была на работе, соседи прибежали спасать мою веранду, где стала дымиться краска и трескаться стекла. Заливали всем, чем могли, использовали даже бак с рассолом из-под грибов. Во двор Протасовых не вошел никто.

Отец так и не смог привыкнуть к новой квартире, его тянуло в старый дом, здесь он и умер. Я сидела у гроба, когда почувствовала, как на плечи, кроме огромного горя, давит еще что-то тяжелое. В дверях стоял дядя Гена. Худой, сторбленный, всем своим видом напоминая коршуна, он стоял, молча, и тяжесть становилась все невыносимее. Потом он повернулся и вышел, все так же, не сказав ни слова.

Я уже давно не живу в том доме, не вижу этого забора, местами опутанного колючей проволокой. Но во сне все еще иду иногда по этой тропинке, которая ведет от заколоченной в заборе дыры.

Моё писательское, творческое имя – Лана Аллина. Мое настоящее имя Светлана Князева.

Родилась в Москве, в семье ещё советской интеллигенции. Мои родители – учёные, научные работники в области общественных наук (история, политические науки), профессора двух крупнейших вузов Москвы. Я окончила исторический факультет МГУ, аспирантуру одного из московских институтов Академии Наук, защитила кандидатскую диссертацию.

С детства я пробовала себя на ниве сочинительства, хотя писала «в стол». Сейчас я писатель, лектор, аналитик, автор ряда публицистических статей в журналах научного и научно-популярного профиля. Много лет работаю доцентом крупнейшего московского вуза – РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет).

Я автор романа «Воронка бесконечности» (Москва, 2013), член Российского союза писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей.

Номинирована на соискание литературных премий «Писатель года – 2014», «Писатель года – 2015», «Наследие – 2015», «имени Сергея Есенина «Русь моя 2016».

Подготовлен к печати мой новый роман – «Вихреворот сновидений». Так же, как и мой первый роман, это повествование о России, о судьбе творческого человека в нашей стране, о нашей жизни, её горестях и радостях...

И конечно же, о любви. И о том, отчего любящие люди теряют друг друга во времени и пространстве?..

А еще это размышления о том, как бесконечно много в нашей жизни такого случается порой, что и не разберешь, где дрема, а где явь, где сон, а где навь...

Отрывок из романа «Воронка бесконечности»

...Снег неприятно скрипел под ногами, словно она наступала на мелкие осколки битого стекла. Свинцовое небо нахмурилось, сурово сдвинуло темно-серые, даже черные от стужи брови-тучи. А изломанный, искалеченный ранними холодами подступающей бесснежной зимы ветер остервенело швырял прямо в лицо колючий, ледяной снежный песок – целыми пригоршнями. Он колот щеки, попадал в глаза... На небе ни луны, ни самой маленькой звездочки. Еще бы! Как он ожесточился, ветер: гонял по темному небу мрачные тучи, злобствовал, хрипло, надрывно, словно в тяжёлом бронхите, кашлял, сипел, свистел, плевался. Ветер просто рвал и метал, заходясь от ярости. Холод пронизывающий.

Как разбушевала природа! А ведь она даже не заметила, как явилась зима.

Одинок и отвергнут, как Змей,

Я уныло ползу столько дней...

И я жду – впереди Ужин тот,

Он, наверное, скоро придет...

...Он уже ждал её, стоял, заслоняясь от ветра, привычно сложил ладони домиком, прикуривая на ветру сигарету. Ну почему голова всегда так кружится, а дыхание перехватывает от счастья? Счастье! Вот же как ей повезло!

Что можно было в нем найти? Ведь он совсем обыкновенный, ничем не примечательный... Встретишь на улице – и не заметишь. Наверное, такой, как многие... Нет. Не такой. Не похожий ни на кого.

Он рванулся к ней, крепко прижал к себе. Она уткнулась ему в куртку, жадно вдыхала его запах. Как хорошо, что так темно. Объятие было долгим, поцелуй – бесконечным. Оказывается, мелодия бывает не только у песни, у поцелуя – тоже... Один только ветер видел, как он целовал её, но ему-то это безразлично, ветру, он подглядывать за ними не станет, он своими делами озабочен – он как озверел!

...Он смотрел темно-серыми глазами, так нежно, но и строго, даже торжественно.

Взгляд его затягивая в опасный омут.

Обнимал её бережно, словно боялся обидеть, спугнуть, произносил трогательные, пронзительные слова. Целовал деликатно, осторожно, словно боясь навредить ей, оскорбить... Где-то там, внутри – у нее? у него? – непонятно где – накопилось море нежности, ласки, любви. Догоняя друг друга, сталкиваясь, слова отзывались в душе хрупким, тонким, деликатным звучанием, точно хрустальные рюмочки, когда ими чокаются – и падали в самое сердце.

Его слова гладили её по сердцу.

Они растворились друг в друге. И доверили себя друг другу.

Она гладила его по лицу, по волосам. А он зарывался лицом в её волосы, отросшие после стрижки, вдыхал их аромат.

Нежность. Тепло любимого человека. Тишина. Счастье. Оттого, что он так близко. Счастье узнавания... отражения... принятия.

...Поздним вечером он провожал её домой.

На улице потеплело. И ветер больше не злобствовал, не кашлял хрипло, надрывно, не свистел, не сипел. Ветер сменил гнев на милость, подобрел, смягчился.

Медленно, словно призрачный сонный корабль, плыл им навстречу кобальтово-синий вельветовый вечер. Неужели пришла, наконец, зима? Какая гулкая торжественная тишина вокруг. Зима, еще юная, почти девочка, застелила землю белым бархатным ковром с коротким нежным ворсом и белоснежными, нисколько не покрасневшими на холоде, тонкими пальцами аккуратно поправила его, пригладив даже самую крошечную складку. Как жаль наступать на этот снежный ковер: натопчешь еще – грязные следы ведь останутся, ой, как неприятно! Великолепно чистый, первозданный – библейский (или в библейской истории так жарко, что снега там не может быть?) – белоснежный ковер.

А сверху, с высоты ночного свода небес, – на небе ни луны, ни звездочки – кто-то щедрой рукой отрывал от ватно-снежного рулона много-много крошечных пушистых комочков, бросал их вниз – и они летели, кружились, словно пушистые парашютики, кораблики из ваты. Эти ватно-снежные хлопья сбивались в пары, танцевали, бесшумно кружились в танце, в полутемном, освещаемом лишь их собственным, отраженным лучистым светом, небесном зале, исполняя безмолвный торжественный вальс-бостон, который медленно перетек в мелодию Зимы Антонио Вивальди, – а затем медленно падали и ложились на землю.

Деревья стояли торжественные, очень прямо, величественные, одевшись в новенькие белоснежные шубы.

Полыхало зимним вечерним звоном высокое низкое декабрьское небо.

Кто это так щедро сыпал снег с этой головокружительной высоты?

Потом ветер стих совершенно, и пришла оглушительная тишина. Неясным размытым пятном выглянула из-за вьюжной хмари тусклая луна, окрасила мягкий бархатный ковер в матовый молочно-желтый, затем молочно-голубой лунный цвет, и снежные хлопья вдруг тоже стали голубыми. Декабрьская ночь озарилась нежным голубым светом. Все теперь отливало голубым: и снежный ковер на земле, и летящие снежинки, и небо, и волшебная, полная страсти музыка Зимы из Времен года.

О чем напоминало ей это молочно-голубое сияние? О чем-то очень счастливым, но далеком, давно ушедшем, забытом...

Тот огромный, в длинном, до пят, черном пальто и черной шля-

пе с широкими полями, неведомый некто расшалился: свернул лист бумаги в несколько раз, вырезал половинку фигурки, затем развернул – и получилась целая вереница одинаковых зимних ночей. Ночь разрасталась, как множество раскрашенных в темно-синий цвет и вырезанных из бумаги куколок – одна за другой... Ночи-близнецы взялись за руки и устроили веселый зимний хоровод.

Пришла к ним – наконец-то! – звонкая пушистая голубая зима. Зима... Времена года... Музыка Вивальди... Немного кружилась голова. От пахнувшей слегка арбузом, чуть-чуть дыней, а больше всего – хрустким твердым антоновским яблоком, брызжущим соком холодной зимней свежести. От льющейся откуда-то – непонятно откуда, может быть, с небес? – торжественной музыки. От юности, радости. От счастья. Их переполняла, кипела, перелива-

лась через края душераздирающая жажда жизни.

А из небесной выси тот неведомый некто щедро поливал их счастьем. На них потекли ручьи, нет, целые реки счастья. На них проливалась, обрушивалась сама жизнь. Жизнь – живая, звенящая, кипящая, переливающаяся через края – сама жизнь жила, пела, бурлила, разливалась без края в ней, в нем, в них, вокруг них.

Они влюблялись друг в друга снова и снова. Каждую минуту.

Звенела тихая призрачная ночь. Звенело счастье.

А впереди расстилалась дорога, и путь лежал совсем не близкий. И бежали перед ними километры – тысячи и тысячи километров, отмеченных несущимися навстречу дорожными столбами.

Саргон угрюмо смотрел на улицу через зарешеченное окно тюрьмы. Перед ним расстилалась огромная пустыня; на много километров вокруг не было видно ни одного здания; по широкой каменной дороге редко проезжали экипажи. Камера, в которой сидел Саргон, располагалась на одном из верхних этажей; из окна открывался вид на всю пустыню, а где-то на горизонте виднелся лес.

Сокамерником Саргона было пожилое существо с утиным клювом по имени Уб. Уб был большим мечтателем; лёжа на своей койке, он мысленно уносился в дальние страны, к заснеженным вершинам высочайших гор и глубоким морям. Он всегда рассказывал о своих мечтах Саргону.

– Вот скоро я выйду на свободу и отправлюсь в величайшее путешествие своей жизни, – говорил он. – Я увижу самые прекрасные места в мире!

– Неплохо, – бормотал в ответ Саргон. У него самого не было конкретных планов.

И Уба, и Саргона должны были выпустить в ближайшее время. Преступления их были не так тяжки. Оба с нетерпением ждали освобождения; но Уб знал, чем займётся потом, а Саргон не имел об этом ни малейшего представления.

День за днём Уб и Саргон проводили то в своей камере, то в тюремном двореке. Саргон тяжело переносил это; он не умел мечтать, как Уб, а мог только вспоминать прошлое – свой дом, где он жил с родителями и двумя сёстрами, которых звали Роза и Солнечный Свет. Единственное, чего он хотел – это просто вернуться к ним. Саргон знал, что Солнечный Свет должна выйти замуж за своего возлюбленного; свадьбу отложили до освобождения и возвращения её брата. В ожидании этого дня Саргон то лежал на койке, то смотрел на расстилавшуюся перед ним пустыню.

Однообразный пейзаж порядком ему надоел, и Саргон собрался было отойти от окна, как внезапно он увидел посреди пустыни дом. Саргон потёр глаза и вновь выглянул в окно. Дом всё ещё стоял в пустыне. Он был очень необычным на вид: весь обмазан ванильным кремом, кое-где виднелась прослойка из мятного джема, а крыша была вафельной. Рядом с дверью стояла табличка; присмотревшись к ней повнимательнее, Саргон увидел надпись «Дом господина Экзалта».

– Уб, Уб, иди скорей сюда, – позвал он.

– Что случилось? – сонно спросил Уб.

– Посмотри, там дом, – взволнованно сказал Саргон.

Уб вскочил и подошёл к окошку. Некоторое время он пристально смотрел на пустыню и лес на горизонте, а потом с печальной улыбкой повернулся к Саргону и сказал:

– Друг мой, я ничего не вижу. Тебе, наверное, померещилось.

– Но я вижу дом, – возразил Саргон.

Уб удивлённо приподнял брови и вновь посмотрел в окно.

– Но там ничего нет, – сказал он.

– Неужели ты не видишь ванильный дом с вафельной крышей?

– Нет, не вижу. – Теперь Уб испуганно смотрел на Саргона. – Тебе это показалось, дружище. Это мираж. Ляг, отдохни.

– Как так получается, что в своих мечтах ты представляешь дальние страны, но не видишь того, что происходит за окном? – спросил Саргон. – Со мной всё в порядке. Я просто вижу дом. Не понимаю, почему его не видишь ты.

Уб лишь покачал головой и вернулся на свою койку. А Саргон не отрывал взгляда от дома в пустыне. Никто туда не входил и не выходил оттуда. Когда стемнело, дом ярко осветили располагавшиеся рядом фонари. В темноте осталась только вафельная крыша. Саргон был зачарован этим зрелищем и оставался у окна почти всю ночь. Время от времени к нему подходил Уб и честно пытался увидеть удивительный дом, но у него не получилось, и он в конце концов лёг спать.

Весь следующий день Саргон наблюдал за домом. Он не выглядел заброшенным, но никто не гулял рядом с ним, никого не было видно в окнах. Саргону стало казаться, что дом – действительно плод его воображения, но до конца он в это не верил. Уб с беспокойством глядел на друга.

– Тебе нужно выспаться, – настаивал он. – Ложись пораньше сегодня.

– Почему там никого нет? – бормотал Саргон, не слыша товарища. – И почему в окнах не горит свет?

Часов в одиннадцать вечера Уб лёг спать, а Саргон продолжал сидеть у окна. Около полуночи он решил, что пора бы лечь спать, как вдруг увидел на вафельной крыше дома тёмную фигуру в шляпе. Незнакомец (или знакомка), не двигаясь, сидел на крыше. Прошло около часа. Саргон оставался у окна. Фигура не поменяла положение.

«Может, это господин Экзалт?» – подумал Саргон. Он не решился окликнуть человека на крыше, боясь разбудить Уба. Наконец, часа в четыре утра фигура исчезла с крыши, и Саргон смог пойти спать.

Утром, после краткого сна, Саргон вновь сел дежурить у окна.

– Саргон, дружище, что с тобой стало? – причитал Уб. – Раньше ты хоть иногда беседовал со мной, а теперь совсем не отходишь от окна, а ведь там всё та же пустыня! Никакого дома там нет, я же вижу!

– А я вижу, – улыбнулся (впервые за долгое время) Саргон. – И ночью я видел там человека.

– Скоро мы освободимся, ты уедешь домой и забудешь об этом

видении, – бодро сказал Уб, желая помочь другу избавиться от навязчивой картинки. Но ему это не удалось.

Прошло около месяца. Дом в пустыне не исчезал. Подходило время освобождения Саргона и Уба. Но незадолго до этого дня случилась беда: в ближайшем к тюрьме городе (в двухстах километрах от неё) вышла из берегов река кленового сиропа. Следовало срочно эвакуировать население. Спасатели не справлялись, и на помощь вызвали заключённых. Их привезли в город в повозках без окон. Во время спасательных работ за ними наблюдали тюремные надзиратели. Саргон, Уб и остальные помогали людям погрузиться в повозки. Жители города были растеряны; дети плакали. Все ходили по щиколотку в сладкой грязи. Надо было торопиться. Во всеобщей суматохе люди теряли свои вещи, и некоторые спотыкались о них, падали и пачкались. Важно было быстро подняться, чтобы не затоптали.

В довершении всего на небе появились тяжёлые тёмные тучи.

– Скорее! Скорее! – слышалось со всех сторон.

Саргон помог одной старушке сесть в повозку и огляделся вокруг. Народу всё ещё было много. Воздух пропитался запахом кленового сиропа, было тяжело дышать. Саргон хотел немного передохнуть, но вдруг увидел, как маленького мальчика нечаянно столкнули прямо в сиропную реку. Саргон кинулся к реке, продираясь сквозь толпу. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он нырнул в сироп. Двигаться было тяжело, но Саргон упорно искал ребёнка в гуще сиропа.

Время шло. Саргон всё больше беспокоился за мальчика. Наконец он схватил что-то и вынырнул из сиропа – к счастью, это был тот мальчик. Его волосы прилипли к лицу, он еле дышал. Саргон стал плыть к берегу, где его ждали один из надзирателей и верный Уб. При виде друга Уб бросился в реку и помог вытащить мальчика.

Из толпы выбежали родители мальчика. Они долго благодарили Саргона за спасение сына. Мальчик потихоньку приходил в себя. А Саргон внимательно смотрел на его отца; он был в шляпе, похожей на ту, что была у таинственной фигуры на вафельной крыше. Но времени на размышления не было. Семья спасённого мальчика поспешно села в одну из повозок и уехала.

Работа продолжалась до самого позднего вечера. Спасти успели всех. Уже после полуночи заключённых привезли обратно в тюрьму. Саргон и Уб так устали, что сразу легли спать. Вопреки

обыкновению, Саргон не выглянул в окно, чтобы посмотреть на дом.

Утром после завтрака Саргон и Уб долго сидели напротив друг друга, вспоминая вчерашний день.

– Всё-таки приятно было очутиться более-менее на свободе, – умиротворённо сказал Уб.

– Скоро мы выйдем отсюда, – улыбнулся Саргон.

– И вернёмся домой!

– О да! Домой! Домой, домой...

Саргон вскочил и подбежал к окну – проверить, там ли дом. Тот стоял на прежнем месте, но дверь была открыта. Саргон замер в ожидании. Через несколько минут из дома вышли спасённый накануне мальчик и его родители.

– Уб! Смотри! Они живут здесь!

Уб посмотрел в окно и вновь ничего не увидел.

– Опять тот дом? Кто живёт?

– Семья мальчика, который вчера чуть не утонул!

– Но я не вижу ни дома, ни их!

Саргон лишь махнул рукой. Семья села в экипаж и поехала по каменной дороге. Саргон долго провожал их взглядом, а потом взглянул на дом и вскрикнул от неожиданности: стены из ванильного крема таяли в воздухе. Последней исчезла вафельная крыша.

– Он исчез! Он исчез! – закричал Саргон.

– Что?! Что такое?

– Дом исчез!

– Да его там и не было!

– Он был и исчез!

Уб пытался успокоить друга. Он усадил Саргона на койку и подал ему воды. Постепенно Саргон успокоился. До конца дня он то и дело смотрел в окно, но дома там уже не было.

К концу пребывания в тюрьме Саргон смирился с тем, что дом растворился посреди пустыни, а его хозяйева уехали далеко вместе со своим спасённым сыном.

Солнечным утром в начале июля Саргон и Уб вышли из своей камеры.

– Сбудется моя мечта! Я буду путешествовать! – восклицал Уб.

– Обязательно загляни к нам. Адрес я тебе написал, – сказал Саргон, пожимая Убу руку.

Друзья расстались; Уб пошёл по дороге не юг, а Саргон отправился на север, домой.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: **Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary**
- в магазине «DINO»: **I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary**

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Олег Фатхутдинов

Полночный гость

Однажды в полночь думал я о вечном,
Раздался стук, как показалось, в двери.
Дверь, скрипнув,
распахнулась мне навстречу,
И тут своим глазам я не поверил...
Стоял мой позабытый старый друг,
Да, это он, хотя и сильно изменился,
Оборван весь, печален, очень худ.
– Входи, присаживайся! – я засуетился.
– Как поживаешь, мой полночный гость?
Пришёл бы днём...
Не любишь свет? Печально...
Ты постарел... В руке холодной трость...
Стал нелюдимым и сентиментальным.
Налить вина? Коньяк?
– Нет, лучше чаю...
Вино меня не веселит, не греет.
А знаешь, я по тем денькам скучаю,
Забывать бы рад, да память не стареет.
– Мы с малых лет бок о бок, почему
Ты стар... а я ещё не очень?
Гость улыбнулся, глянул на свечу,
И прокряхтел: «Скажу я между прочим,
Что старым, дряхлым сделал ты меня,
Забывший о моём существовании,
Ведь без тебя шагнуть не смею я
В ваш мир из твоего сознания».
– Прости... я думал, ты сам по себе,
Захочешь – и ко мне приходишь в гости.
– Без приглашения? Нет!
Когда-то нужен был тебе...
Но нет уже обиды, нету злости.
Я думал, что в забвении умру,
Не увидав тебя ещё однажды...
– Не говори такую ерунду!
Ведь ты же умереть не можешь дважды.
Прости, что так давно тебя не звал:
Работа, дочь, семейные проблемы...
– Ты даже обо мне не вспоминал,
Стихи писал, романы и поэмы...
– Писал не я, а ты! Теперь я только понял:
Ты гений, что живёт в моём сознании.
– Я гений? Не смеши! Тобою я уволен.
Я просто Бога странное создание.
– Забыл про чай...
– Не надо, ухожу...
Мой гость привстал, рукой погладив трость.
– Прости... – сквозняк задул мою свечу,
И растворился в темноте полночный гость.

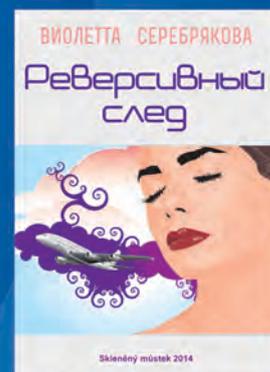
Зимняя рыбалка

Туман над озером. Хрустит снежок искристый.
Мрак медленно, лениво отступает.
Лишь Месяц с высоты тебе мигает,
Мой озорной товарищ серебристый.
На лёд ступив ногой, пешнёю упираясь,
Идешь, бредешь, спеша к заветной цели.
Недаром ждал ты целых две недели,
Одной мечтой о рыбе томно маясь.
Мороз-разбойник, щёки покусав,
Вцепился в нос голодною собакой.
Его друг Ветер сильной яростной атакой
Хотел меня свалить. Нет, паря, ты не прав!
Я столько ждал, что ты мне не помеха,
Для рыбака ни зной, ни стужа нипочем.
И ты, по сути, вовсе ни при чём,
Я понимаю, в этом вся твоя утеха.
Так вчетвером мы добрались до места:
Мороз, друг Месяц, Ветер и конечно я.
– Теперь бурить всем лунки, новые мои друзья! –
Воскликнул я, достав червя, опарыша и тесто.
Не тут-то было! Месяц-друг пропал,
Исчезнув поскорей за облаками,
Мороз-предатель незаметно взял, удрал,
Лишь нос и щёки мне о нём напоминали.
Бродяга Ветер тоже закосил,
Подул уже поласковой, на ушко,
Сказав, что в поле ждёт его подружка.
Ну что же... Лунки сам я пробурил.
Теперь приступим! Удочка в руке,
Червяк насажен и идёт купаться,
Ещё не зная, с кем ему придётся повстречаться.
Жизнь такова: кому-то смерть, а кто-то – на коне.
И вот – оно! Чего так долго ждал!
Кивок согнулся, дав команду к старту.
Я подсекаю, придаваясь пьяному азарту –
И вот на льду подлещик заплясал.
А дальше – завертелось, закрутилось:
Подлещик, окунь, ельчики, плотва...
Под лункой собралась вся подводная братва.
Такое даже и во сне не снилось!
Так незаметно стало вечереть.
Мои друзья-гуляки возвратились.
– Ну что, бродяги, лодыри, проснулись?
Без вас мне интересней было тут сидеть.
Мороз с обиды снова стал кусаться,
Его друг Ветер – снова наступать,
Опять лоб в лоб толкаться и бодать,
А Месяц вздумал звёздами кидаться.
Скорей собравшись, я пошёл домой,
Устав ругаться с этими тремя.
Не понимают лодыри меня
Что я рыбак и сердцем и душой!

Пегас

Один! Судьба такая? Ну... не знаю.
Смеюсь до слёз.
Пью, с каждой рюмкой всё трезвея.
Я одиночеству как другу доверяю,
Хотя от этой дружбы иногда зверею.
Вить волком, глядя на холодную луну,
Писать, а после беспощадно рвать страницы.
Днём время не жалея убивать,
Пусть дни, года летят как птицы.
Почти не спать. Ночами и подавно.
Смотреть в окно бессмысленно и долго.
Грустить, хотя ещё совсем недавно
За жизнь держался крепко и упорно.
Пегаса в звёздном небе увидав,
Очнёшься... и махнёшь ему рукою.
Он пронесётся, сверху помахав
Своим крылом... И тайну мне откроет.
Он, как и я, один на этом свете,
Расправив крылья, реет в поднебесье.
Днём на Парнасе спит под южный ветер,
Что о любви поёт коняге песни.
И в этом диком, одиноком ржанье –
Всё то, что так с моей судьбою схоже.
Пегас и я, и мы – не в этом мирозданье.
Наверно я с ума схожу? Похоже...
Нет, друг! Я не хочу судьбы себе такой –
Жить постоянно в небе и своих стихах.
Тогда махнул своим крылом Пегас седой,
Заржал: «Прощай!» –
и скрылся в звёздных облаках.

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга - здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

